

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ

**СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АГРЕССИИ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ**

Выпускная квалификационная работа
студентки заочной формы обучения
направления подготовки 44.04.01 Педагогическое образование
магистерская программа «Образование в области иностранных языков»
3 курса группы 02051684
Орловой Екатерины Андреевны

Научный руководитель:

Степаненко С.Н.

Рецензент:

к.ф.н., доцент

(кафедра зарубежной
филологии и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»)

Куксова Н.А.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения способов репрезентации агрессии в политическом дискурсе	7
1.1 Вербальная агрессия как способ речевого воздействия.....	7
1.2 Речевая агрессия с точки зрения психолингвистического и коммуникативно-дискурсивного подходов.....	18
1.3 Политический дискурс СМИ как поле репрезентации агрессии.....	23
Выводы по ГЛАВЕ I	41
ГЛАВА II. Языковые способы репрезентации агрессии в англоязычном политическом дискурсе СМИ	43
2.1 Сниженная лексика как прямой способ выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	43
2.2 Использование лексики с негативной семантикой для косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	53
2.2.1 Глаголы с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	54
2.2.2 Имена прилагательные с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	64
2.2.3 Имена существительные с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	68
2.2.4 Комбинация лексем с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ.....	75
Выводы по ГЛАВЕ II	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	83
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	92
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	93

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа представляет собой попытку анализа способов реализации речевой агрессии в британских СМИ с помощью использования ряда языковых средств, которые подбираются в соответствии с конкретными коммуникативными целями и стратегиями, являющимися базой речевого поведения.

Речевое поведение современных людей характеризуется чрезвычайно высоким уровнем агрессии, который может быть объяснен такими факторами, как общая нестабильность и неуверенность в завтрашнем дне, что провоцирует возникновение конфликтов между людьми. Конфликт является деструктивным явлением, соответственно, не может привести к позитивным результатам. Общение в условиях конфликта также деструктивно, соответствующие речевые акты не могут обеспечить долговременного полноценного общения. Однако, многие люди рассматривают конфликтное поведение как действенный способ решения проблем, дающий мгновенный эффект, таким образом сознательно идут на конфликт. Максимально часто агрессивные психологические установки реализуются с помощью речевых средств, поэтому решение многих проблем, так или иначе возникающих в ходе социального взаимодействия отдельных людей, может быть найдено путем изучения речевой агрессии.

В настоящее время в языке наблюдается тенденция снижения речевой культуры и политической корректности под влиянием кардинальных политических, экономических и социальных изменений в мире, произошедших в последние десятилетия. Агрессивность и вульгаризацию речи, обусловленные намеренным игнорированием литературной нормы, «демократизацией» языка, можно наблюдать во всех сферах жизнедеятельности. Фактически, речевая агрессия становится неотъемлемой частью как российской, так и международной культуры и потому вызывает

интерес исследователей различных научных направлений: социальной психологии, социологии, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, эколингвистики и др.

Актуальность исследования данного феномена обусловлена необходимостью изучения роли речевой агрессии в воздействии текстов СМИ на читателей, и выделения основных языковых средств, влияющих на эффективность коммуникации СМИ – читатель.

Объектом исследования является политический дискурс в современных британских СМИ.

Предметом исследования выступают языковые средства реализации речевой агрессии в политических текстах британских СМИ.

Цель работы заключается в выявлении наиболее распространенных языковых средств реализации речевой агрессии в современных политических текстах британских СМИ.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

- изучить теоретические основы исследования речевой агрессии;
- определить границы политического дискурса СМИ;
- провести анализ современных политических СМИ на предмет наличия в них фактов речевой агрессии;
- выделить наиболее частотные ситуации проявления речевой агрессии и используемые для этого языковые средства;
- определить особенности их функционирования и использования для реализации авторского замысла и определенных тактик речевого воздействия.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные изучению проблемы речевой агрессии как одного из видов агрессивного поведения в рамках психологических наук: как зарубежных ученых (А. Басс, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, К.Е. Изард); так и российских исследователей (Т.А. Воронцова, Л.В. Енина, Л.М. Майданова). Работа «Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство» Т.А. Воронцовой, в которой

наиболее полно раскрыт феномен речевой агрессии в рамках публичного дискурса на базе русского языка, оказала значительное влияние на данное исследование. Также, такая форма коммуникационного поведения как речевая агрессия выступает предметом исследования в системе экологии культуры, представленной в том числе в работах Е.Н. Ширяева, А.П. Сквородникова, Л.И. Скворцова и др. Проблема проявления речевой агрессии в СМИ также затронута в исследованиях А.П. Сквородникова, большое внимание данному вопросу уделяют Е.Н. Басовская, А.К. Михальская, Л.М. Майданова и др. Исследование функционирования речевой агрессии в рамках политического дискурса привлекает внимание таких лингвистов, как А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал. На современном этапе развития лингвистики многие зарубежные исследователи, например, D. Matsumoto, H.C. Hwang, M.G. Frank, C. Nau, S.O. Craig и др. затрагивают в своих работах проблемы агрессивности политического.

Фактическим материалом настоящего исследования послужили языковые контексты речевой агрессии, полученные методом сплошной выборки из статей политической направленности ведущих британских газет, таких как «The Daily Express», «The Daily Mail», «The Daily Mirror», «The Guardian». Было проведено исследование более чем 80 текстов Интернет-публикаций (в общей сложности около 250 страниц печатного текста). Диапазон единиц анализа составили единицы текстового, фразового и лексического уровней. Детальному исследованию подвергнуто свыше 300 указанных коммуникативных единиц.

В работе используются следующие **методы**: анализ литературы по исследуемой проблеме, обобщение материала, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки.

Апробация работы состоялась в рамках научной сессии НИУ «БелГУ» «Студенческая весна – 2018» (12-18 апреля 2018 г). В рамках работы научной сессии материалы исследования нашли отражение в статье

«Дисфемизмы как средство манипулирования в СМИ», изданной в сборнике по итогам конференции.

Кроме того, в рамках IV Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2018» (26-27 апреля 2018г.) была опубликована статья «Эвфемизмы и дисфемизмы в политических текстах британских СМИ», отражающая результаты настоящего исследования.

Структура и содержание настоящей работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников фактического материала, списка использованных словарей.

Во Введении обосновывается выбор темы исследования, его актуальность, формулируются цели и задачи, определяется объект и предмет исследования.

В Главе I описываются различные подходы к определению понятия «речевая агрессия», речевая агрессия рассматривается с точки зрения психолингвистического и коммуникативно-дискурсивного подходов, а также изучается дискурс политических СМИ с точки зрения поля репрезентации речевой агрессии.

В Главе II выявляются основные языковые средства реализации речевой агрессии в политических СМИ, проводится анализ особенностей их функционирования в процессе выражения речевой агрессии, а также определяются выполняемые ею задачи.

В Заключении представлены основные выводы по данному исследованию.

ГЛАВА I. Теоретические основы изучения способов репрезентации агрессии в политическом дискурсе СМИ

1.1 Вербальная агрессия как способ речевого воздействия

В современных лингвистических исследованиях большое внимание уделяется такому языковому явлению как речевая агрессия. Однако, не смотря на большое количество работ, посвященных данному явлению, исследователи не пришли к единому мнению относительно явления речевой агрессии, относительно термина «речевая агрессия», а также определения понятия речевой агрессии, что говорит том, что речевая агрессия по-прежнему нуждается в комплексном изучении.

Отсутствие однозначного определения понятия «речевая агрессия» обусловлено разнообразием форм проявления речевой агрессии.

По мнению ряда ученых, определение «речевой агрессии» требует учета как психологической стороны, а именно мотивации и намеренности, так и социальной обусловленности этого явления (Шамне, 2011). Данное понятие в языке обозначается различными терминами, такими как: «речевая агрессия», «словесная агрессия», «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «языковая демагогия», «языковое насилие» и т.д., что обусловлено недостаточной разработанностью темы, а также тем фактом, что «данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности» (Щербинина, 2008: 14).

Традиционно речевую агрессию связывают с использованием бранных инвектив (Шейгал, 2004; Жельвис, 1990). Чаще всего, в основе инвективного

общения лежит интенция снизить уровень самооценки реципиента, нанести моральный урон, понизить социальный статус адресата, и, более глобально, добиться изменения его поведения (Жельвис, 1990: 23).

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» Т.Б. Трошева дает следующее определение речевой агрессии: «Речевая агрессия – это использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» (цит. по: (Баженова, 2003:488)).

В исследованиях А. Басса вербальная агрессия рассматривается как выражение негативных чувств как через содержание словесных ответов в виде ругани, угроз, проклятий, так и через форму, например, визг, крик, ссора (Buss, 1971).

В определении К.Ф. Седова речевая агрессия является целенаправленным коммуникативным действием, направленное на провокацию у объекта речевого воздействия негативных эмоционально-психологических состояний, таких как фрустрация, страх и т.п. (Седов, 2003: 200).

О.Н. Завьялова рассматривает вербальную агрессию как форму речевого поведения, нацеленную на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организаций или обществу в целом. При этом, ученый отмечает, что речевая агрессия является нарушением этико-речевых норм, так как часто имеет своей целью провокацию агрессивного состояния адресата и мотивирована агрессивным состоянием говорящего (цит. по: (Сковородников, 2005: 460)).

Британский философ Дж. Остин понимает речевую агрессию в более широком смысле и детерминирует ее как деликт (*delictum* – от лат. «поведение против закона»), т.е. предосудительное поведение, отклонение от поведенческих норм. В данном контексте синонимами вербальной агрессии выступают такие понятия, как преступление, прегрешение, промашка, провинность, проступок, вина (Остин, 1986). Более того, Н.Д. Левитов,

исследователь психологического аспекта агрессии, отмечает, что агрессивные действия в некоторых случаях могут быть рассмотрены как энергично наступательные и им может быть дана положительная оценка (цит. по: (Глебов, 2006)).

Тем не менее, определение агрессии как «положительного» явления скорее исключение, которое может иметь место в узкоспециальной сфере, как например, в психотерапии при имитация агрессии.

Речевая агрессия может выступать и как конфликтное речевое поведение с установкой на негативное воздействие на адресата. Так, В. Глебов утверждает, что речевая агрессия проявляется в рамках любого дискурса и любого типа общения, как межличностного так и группового, массового, независимо от его национальных и временных факторов (Глебов, 2006).

Простейший агрессивный речевой акт представляет собой диаду, в которой контактируют чаще всего «партнеры различного социального статуса» и который служит для «манифестации или установления социальной асимметрии» (Амиров, 1997: 34). Акт речевой агрессии является инструментом создания и поддержания социальной иерархии. Неравенство социальных статусов сторон речевой агрессии провоцирует агрессора на использование агрессивных речевых актов с целью самоутверждения и вынуждения жертвы подчиниться, что может быть выражено в виде раскаяния (Михальская, 1996: 165).

Столкновения участников коммуникативного взаимодействия, т.е. коммуникативные конфликты являются основным полем реализации речевой агрессии. Разнообразие форм выражения речевой агрессии зависит от многих факторов, к числу которых Седов К.Ф. утверждает, что формы выражения вербальной агрессии зависят от различных факторов, таких как индивидуально-коммуникативные черты портретов языковых личностей, участников конфликта жанрово-ролевые и особенности конфликтной коммуникативной ситуации. (Седов, 2004: 146).

Следует отметить, что слова «агрессия» и «конфликт» часто считаются синонимами, а вербальной агрессией называют такие вербальные реакции, которые на самом деле агрессией не являются. Согласно Н.Е. Щурковой «современная этика склонна более высоко толковать категорию конфликта: это противоречие, возникшее в процессе роста и развития нравственных отношений, разрешение которого есть движение вперед... Ссоры и раздоры следует немедленно устранять, предотвращать их. Конфликты же – создавать, способствуя ускорению нравственного роста...» (цит. по: (Щербинина, 2006: 18)). Следует сделать вывод о том, что понятие конфликта значительно шире, чем понятие агрессии, соответственно отождествление данных понятий ошибочно. Ю.В. Щербинина отмечает, что «...конфликт не есть речевая агрессия, так же и речевая агрессия не есть конфликт, точнее – это один из неконструктивных способов его разрешения» (Щербинина, 2006: 18).

Существуют различные подходы к изучению речевой агрессии.

Наиболее популярным среди современных исследователей является подход к изучению речевой агрессии как лингвопсихологического явления, в котором с лингвистикой связан только способ выражения агрессии, при этом психологическое понимание агрессии в большей степени проецируется на речевое поведение (Воронцова, 2006; Иванов, 2003; Седов, 2004).

Не смотря на то, что изучение речевой агрессии неразрывно связано с психологическим аспектом изучения, явление речевой агрессии, как явление коммуникативное, следует рассматривать в категориях и понятиях лингвистики, а не в категориях и понятиях психологии.

Другой, лингвоэтический подход объединяет в себе юрислингвистический, стилистический, социолингвистический и лингвоэкологический аспекты изучения речевой агрессии. Данный подход подразумевает, что стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно-окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т.д.) являются основными показателями речевой

агрессии и должны быть рассмотрены с точки зрения этичности их употребления (Голева, 2000).

Важно отметить, что роль языковых и речевых средств в коммуникативном акте определяется с учетом функции высказывания в контексте конкретного дискурса.

С точки зрения культурологического подхода речевая агрессия определяется как результат взаимодействия с членами конкретного лингвокультурного сообщества, определенный стереотип поведения, а не только как особое речевое действие или речевое поведение. В рамках данного подхода речевая агрессия, ее речевые маркеры являются частью речевого репертуара всех представителей лингвокультурного сообщества. Более того, практика использования языковых и речевых средств для выражения агрессии складывается из опыта межличностного общения в рамках определенной культуры, несмотря на эмоциональное и психологическое состояние участников общения и динамичную природу дискурса, создающего альтернативу для использования этих (Ларионова, 2017).

Каждый человек, как языковая личность склонен в той или иной степени к проявлению агрессии. Персональный дискурс каждого человека характеризуется различной степенью агрессивности, а также индивидуальной формой проявления данного коммуникативного феномена. В связи с этим, речевая агрессия может выступать в качестве показателя идиостиля, являясь чертой коммуникативного портрета личности. Именно поэтому анализ речи конкретной языковой личности в аспекте ее агрессивности позволяет отличать ее от речи других пользователей языком. Следует также отметить, что выявление социально-психологической компетентности личности, а также её коммуникативная диагностика становится возможной путем объективного «измерения» степени агрессивности личностно-ориентированного дискурса индивида.

Речевая агрессия характеризуется императивной, эмоционально напряженной, психологически сдвинутой позицией автора речи, в том числе автора коллективного, настойчивым стремлением к достижению коммуникативного результата с помощью суггестивных вербальных и паралингвистических средств, которые могут являться неприемлемыми в рамках стилистических, этических, жанровых и системно-языковых правил и норм. Речевая агрессия зачастую подразумевает вторжение в личностное пространство лица-объекта речи, адресата и ведет к коммуникативной конфронтации, имеющей под собой социальные, бытовые и психологические основания и эпатаж (Купина, 1997).

Как форма речевого поведения, речевая или языковая агрессия нацелена на преднамеренное причинение вреда, оскорбление человека, группы людей, организации или общества в целом. Агрессивное состояние мотивирует речевую агрессию говорящего и, напротив, зачастую сам факт проявления речевой агрессии вызывает и поддерживает агрессивное состояние адресата. Соответственно, речевая агрессия является отклонением от этико-речевой нормы.

Проведенный анализ трактовок понятия речевой или вербальной агрессии позволяе под вер сделать вывод о том, что речевая (вербальная, словесная) агрессия - это грубое, оскорбительное, обидное общение, словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме.

Исследователи предлагают различные классификации типов и видов агрессии и речевой агрессии в частности. Иногда они совпадают по содержанию, но конкретные типы и виды обозначаются разными терминами, в связи с чем ни одна из типологий не представляется полностью приемлемой.

О.А. Филиппова, например, разделяет речевую агрессию на инициативную, когда говорящий является зачинщиком или подстрекателем,

и оборонительную, если высказывание представляет собой ответ на словесное нападение (цит. по: (Ребер, 2000)).

В.Д. Черняк делает акцент на формы проявления вербальной агрессии, относя к ним повышенный (или пренебрежительно пониженный) тон разговора, каскад риторических вопросов, обвинения, явные или завуалированные оскорбления, экспрессивные обороты, чрезмерную напористость речи (Черняк, 2006).

Учитывая параметры интенсивности, Ю.В. Щербинина выделяет сильные и слабые виды речевой агрессии. К сильным видам речевой агрессии она относятся брань, ругань, резко выраженное прямое порицание, грубое требование повышенным тоном; сюда же включаются и враждебные замечания, язвительные насмешки, веские угрозы. К слабым проявлениям речевой агрессии относит очень грубый отказ, скрытый упрек, косвенное осуждение, не прямое оскорбление типа «сам такой».

Еще одним критерием выделения видов речевой агрессии является способ ее выраженности. Ю.В. Щербинина называет следующие способы выражения агрессии:

- 1) с помощью формальных признаков и содержания;
- 2) только посредством формальных признаков (в интонации, темпе речи, силе голоса);
- 3) только посредством содержания, когда формальные признаки нейтральны (злобные сплетни, очевидная клевета, явный донос).

В рамках последнего вида Ю.В. Щербинина различает открытую и скрытую речевую агрессию. Открытая предполагает, что негативные намерения говорящего очевидны для большинства участников общения, скрытая – когда негативные намерения говорящего неочевидны, неявного характера (иронические замечания, скрытые угрозы, доносы и др.) (Щербинина, 2003: 137–139).

Согласно Ю.В. Щербининой следует различать переходную и непереходную речевую агрессию. Под переходной агрессией ученый

понимает агрессию, направленную на реального, конкретно представленного в данной речевой ситуации адресата. Непереходная агрессия, по мнению автора, проявляется в случаях, когда говорящий выражает негативную позицию по отношению к обществу в целом, абстрактно ругает окружающих людей, жизнь (Щербинина, 2003: 144).

Е.И. Шейгал, проведя анализ средств вербальной агрессии, выделил три ее разновидности:

1. Эксплетивная речевая агрессия, включающая речевые акты угрозы, бранные инвективы; вердикты, категоричные требования и призывы. Данная форма вербальной агрессии наиболее прямая, резкая и импульсивно-эмоциональная.

2. Манипулятивная вербальная агрессия подразумевает использование средства диффамации, инвективных ярлыков и является более рационально-осознанной формой агрессии, берущей за основу идеологические трансформации исходного смысла.

3. Имплицитная агрессия проявляется в иронических инвективах, косвенных речевых актах, непрямых предикациях. Данный вид речевой агрессии представляет собой завуалированное выражение соответствующего иллокутивного намерения (Шейгал, 1999: 221).

По нашему мнению, наиболее полная классификация видов речевой агрессии предложена К.Ф. Седовым, который в соответствии с проявлением речевой агрессии выделяет десять бинарных оппозиций:

1. По природе знаковых средств выражения речевой агрессии выделяются вербальная и невербальная речевая агрессия. Невербальные формы речевой агрессии включают, прежде всего, жесты, а также молчание (например, протестующее, ироническое, угрожающее и т.п.).

2. Прямая и косвенная (непрямая) речевая агрессия противопоставляются по степени очевидности проявления агрессии. Результат акта коммуникации, иллокуция которого содержит открытую, очевидную враждебность рассматривается К.Ф. Седовым как прямая речевая

агрессия. Оскорбления, злопожелания, угрозы являются классическими примерами проявления прямой вербальной агрессии. В случае, если негативная иллокуция не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов, то речь идет о косвенной (непрямой, скрытой, неявной) речевой агрессии. Речевые жанры (акты, субжанры) колкости и насмешки, в которых иллокутивная сила зависит от игры пресуппозициями, являются наиболее очевидными примерами подобного типа воздействия.

3. По наличию цели ученый противопоставляет инструментальную и неинструментальную речевую агрессию. Инструментальную агрессию в акте коммуникации выделяет стремление к достижению сторонней цели, помимо враждебного намерения. В тоже время, неинструментальная агрессия представляет собой агрессию ради агрессии, имеет аффективный характер и служит задачам катартической разрядки за счет коммуникативного партнера.

4. Относительно выполняемых ею функций речевая агрессия подразделяется на инициативную и реактивную. В то время как инициативная агрессия выполняет функцию нападения, реактивная агрессия служит средством защиты от реального или мнимого агрессора.

5. По форме выделены активная и пассивная речевая агрессия. Под пассивной агрессией в данном случае понимается агрессия как демонстрация нежелания вступить в контакт, а также как метод прекращения нежелательного контакта. Активная прямая речевая агрессия представляет унижение или оскорбление кого-л, словесное поношение кого-л. или чего-л.

6. В зависимости от характера коммуникативного контакта различают опосредованную и непосредственную речевую агрессию. В случае, если речевое воздействие осуществляется в разные временные отрезки, то такая речевая агрессия считается опосредованной. И напротив, проявление речевой агрессии в рамках речевого акта, в котором коммуниканты находятся в одном пространстве и времени называется непосредственной.

7. Своеобразие процесса порождения высказывания позволяет разделить речевую агрессию на спонтанную и подготовленную. Речевой акт,

в котором коммуникативное намерение и мотив реализуются практически одновременно с их словесным выражением является примером спонтанной агрессии. Заранее спланированная речевая агрессия, которая зачастую является выражением подготовленного в течение определенного промежутка времени коммуникативного намерения индивида, называется подготовленной агрессией.

8. На основании степени рациональности были выделены рациональная и эмоциональная речевая агрессия. Рациональная агрессия выражается в непрямых формах воздействия разного рода, например, колкостях, шутках, иронии и представляет собой заранее спланированный акт коммуникации. В рамках спонтанных речевых актов, напротив, обычно проявляется эмоциональная агрессия, речевые действия которой чаще всего характеризуются своей аффективностью.

9. Исследование степени интенсивности речевой агрессии позволило выделить сильную и слабую речевую агрессию. Данная оппозиция позволяет измерить перлокутивный эффект агрессивного действия. В случае, когда речевой акт дает возможность повлиять на эмоциональное состояние реципиента, вызвать у коммуникативного партнера чувство страха, унижения, сильную фрустрацию и т.п, речь идет о сильной агрессии. Важно отметить, что грубости речевого акта не влияет напрямую на интенсивность речевого воздействия. Более того, в некоторых случаях эффект сильной фрустрации может стать следствием ядовитой шутки или колкости.

10. Основываясь на наличии или отсутствии цели нанести вред собеседнику, выделяют враждебную и невраждебную речевую агрессию. Враждебная агрессия является ядерной формой данного речевого явления. Невраждебная агрессия представляет собой лишь агрессию по форме. Данный вид вербальной агрессии, не смотря на все признаки агрессивности подразумевает отсутствие стремления принести вред, ущерб собеседнику и используется в неофициальном дружеском общении (Седов, 2003: 201-207).

Основываясь на существующих классификациях, А.П. Сковородников выделяет следующие подвиды речевой агрессии:

1) активная прямая речевая агрессия – словесное поношение кого-либо или чего-либо, оскорбление или унижение кого-либо; высказывание угроз, деструктивных пожеланий в чей-либо адрес; призывы к агрессивным действиям, насилию;

2) активная непрямая речевая агрессия – распространение злостной клеветы или сплетен о ком-либо;

3) пассивная прямая речевая агрессия – отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т.д.;

4) пассивная непрямая речевая агрессия – отказ дать определенные словесные объяснения, демонстративное молчание (Сковородников, 2003).

В.М. Амиров выделяет три ступени речевой агрессии:

1) констатация факта неблагополучия;

2) предупреждение, угроза в адрес виновника;

3) прямой выпад, призыв к ликвидации, разрушению, уничтожению (Амиров, 1997).

Объектом языковой агрессии может выступать как отдельная личность, так и различные группы людей, организации и общество в целом. Субъектом агрессии также может быть не только один автор агрессивного высказывания (индивидуальная языковая личность), но и группа людей, организация и даже общество (совокупная языковая личность).

Речевая агрессия проявляется также в повседневном персональном дискурсе. В общем дискурсивном пространстве с целью реализации речевой агрессии используются различные речевые акты, которые либо выступают в виде субжанров, т.е. самостоятельных жанровых образований, или выполняют роль внутрижанровых тактик, определяющих содержание сюжетных поворотов в развитии речевой интеракции. Угроза, обвинение, упрек, возмущение, насмешка, злопожелание, инвектива (оскорбление), проклятье, констатация некомпетентности, колкость, тактика угрожающего

молчания, демонстрация обиды, грубое прекращение коммуникативного контакта – подобные речевые тактики и акты относятся к агрессивным субжанрам.

Таким образом, феномен речевой агрессии характеризуется многоаспектностью и неоднозначностью, что подтверждается разнообразием вышеприведенных определений. Явление речевой агрессии детерминировано большинством исследователей как намеренное коммуникативное действие, лингво-психологическое явление, а введение объекта речевого воздействия в негативное эмоционально-психологическое состояние рассматривается как основная цель проявления речевой агрессии.

1.2 Речевая агрессия с точки зрения психолингвистического и коммуникативно-дискурсивного подходов

Вербальная агрессия является одним из объектов исследования психологии и представляет собой выражение негативных эмоций по отношению к кому-либо или чему-либо. Тем не менее, Т.А. Воронцова делает акцент на целенаправленном характере речевой агрессии: «с позиций коммуникативной лингвистики важно не только как сказано, но и для чего сказано» (Воронцова, 2006: 4). Соответственно, считается целесообразным изучение вербальной агрессии как с позиций психолингвистики, так и с позиций прагмалингвистики.

Как раздел языкознания, психолингвистика изучает особенности соотносённости языка и речи в их с психологическими механизмами и процессами. Особое внимание психолингвистики направлено на изучение «взаимоотношений опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения» (Леонтьев, 1997: 69). Более того, в рамках психолингвистики происходит анализ влияния

экстралингвистических факторов, например, типа темперамента, характера, социального статуса, культуры, ситуации общения, на выбор адресантом языковых единиц. А.А. Леонтьев, формулируя психолингвистическую теорию деятельности, утверждает, что реакции на негативные раздражители превращаются в речемыслительную деятельность. Ученый трактует вербально-агрессивный акт как «переход, в результате которого внешние по своей форме процессы преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию...» (Леонтьев, 1997: 149).

Вербальная агрессия может быть рассмотрена с позиций прагмалингвистики, одного из направлений прагматики. Объектом изучения прагмалингвистики выступают отношения между языковыми единицами и условиями их использования в конкретном коммуникативном пространстве, для характеристики которого важны цели и ожидания говорящего и слушающего, а также указания на место и время речевого взаимодействия (Куклина, 2005: 12). В исследованиях вербальной агрессии с точки зрения прагмалингвистики подчеркивается стремление агрессора с помощью актов речевой агрессии и за счет ущемления «коммуникативных прав» речевого партнера изменить протекание процесса общения в нужном направлении (Воронцова, 2006: 7).

Кроме того, речевая агрессия изучается с точки зрения коммуникативно-дискурсивного подхода, создавая более сложную, крупную единицу изучения и расширяя область анализа. В соответствии с этим Т.А. Воронцова подчеркивает двуплановость феномена вербальной агрессии и невозможность ее изучения отдельно от анализа дискурсивных условий ее возникновения и развития: «Речевая агрессия – конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата. Речевая агрессия

может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов» (Воронцова, 2006: 109).

Изучение речевой агрессии в рамках коммуникативного пространства происходит с позиций коммуникативно-прагматического подхода, в котором подчеркивается воздействие дискурсного контекста и речевых ситуаций, исходной прагматической установки говорящего на коммуникативные воздействия, а также проводится исследование коммуникативных взаимодействий между адресатом и адресантом речи. Несмотря на большое количество исследований, проводимых в рамках данного подхода, не было выработано однозначное и определения термина «коммуникативное пространство». Т.А. Воронцова определяет коммуникативное пространство как зону реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего (адресанта). Роль каждого из участников общения в процессе коммуникации, их ценностные ориентиры, их представления о предмете речи, а также их собственное видение процесса коммуникации оказывает значительное влияние на любые коммуникативные отношения.

Выявление общих принципов и установок, которые оказывают воздействие на его в процессе реализации агрессивного речевого поведения изучается в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода. Более того, с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода происходит исследование влияния данного явления, тесно связанного с социальными и психологическими факторами, в условиях определенного дискурса на когнитивные, аксиологические и коммуникативные аспекты коммуникации.

С этой точки зрения речевая агрессия может быть представлена как преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата, которая осуществляется на когнитивном, аксиологическом и речевом уровне. В соответствии с этим Т.А. Воронцова выделяет несколько

коммуникативно-прагматических типа проявления речевой агрессии (Воронцова, 2006).

1. Речевая агрессия в интерперсональной (межличностной) коммуникации заключается во вторжении в речевое пространство адресата. При этом объект речевой агрессии (адресат) является участником коммуникации, а субъектом агрессии в данном случае является адресант, который нацелен на навязывание собственного коммуникативного сценария. Основной задачей адресанта является присвоение приоритетного «право на речь», захват коммуникативной инициативы и перевод, в конечном счете, диалога в монолог. В подобной ситуации общения аффективный и прагматический векторы направлены на один объект, в связи с чем только одна из целевых установок может быть эксплицирована, вторая же остается имплицитной. Так, при помощи использования адресантом инвективы (дурак, хромой) с целью эксплицитно сообщения адресату о негативном отношении к нему, захватывает коммуникативную инициативу и создает коммуникативную вертикаль.

2. Речевая агрессия как агрессивное навязывание адресату негативного отношения к референту высказывания. Данный тип проявления речевой агрессии подразумевает разнонаправленность аффективных и прагматических векторов. Объект негативного отношения только обозначен в речи, но не представлен в коммуникации. Объектом подобного проявления речевой агрессии может быть персонифицированным, т.е. являться конкретным лицом или группой лиц, объединенных каким-либо признаком. По отношению к ним можно говорить о косвенной адресации речевой агрессии, которая проявляется через стратегию дискредитации. Коммуникативной интенцией агрессивных высказываний в рассматриваемых ситуациях является стремление индуцировать негативное отношение у адресата к объекту высказывания. Происходит вторжение в аксиологическое пространство адресата, коммуникативной перспективой которого является сужение коммуникативного пространства адресата, а также разрушение

реальных или потенциальных контактов между адресатом и референтом высказывания.

3. Речевая агрессия как вторжение в когнитивное пространство проявляется в стремлении адресанта изменить в негативную сторону представление адресата о предмете речи, что влечет за собой смещение его места в картине мира адресата. В данном случае объекты речевой агрессии, являются понятиями с «размытым» смыслом (например, ложь, демократия государство, и т.п.), и, соответственно, не могут быть объективно представлены в коммуникации. Подобные объекты должны быть связаны угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т.п., т.е. находиться в сфере ключевых интересов всего общества. На выбор объектов агрессии адресантом оказывают влияние экстралингвистические факторы, например, культурная, экономическая, политическая ситуация в обществе, установка на определенную идеологию. Данный тип речевой агрессии отличает тот факт, что нужный перлокутивный эффект труднодостижим на уровне отдельного высказывания в отдельно взятом дискурсе. Однако, изначально нейтральное понятие приобретает негативную социальную оценку, в случае его использования в значительном количестве контекстов с негативной модальностью, и неизбежно влечет за собой негативизацию всего концепта. Подобная трансформация становится возможной при условии связи данного объект с интересами всего социума, и многократного воздействия множеством адресантов на массового адресата через большое количество дискурсов. Из этого следует вывод о том, что речевая агрессия как вторжение в когнитивное пространство эффективен исключительно в массовой коммуникации (Воронцова, 2006).

Между различными типами речевой агрессии может существовать диалектическая связь. Вместе с тем основные параметры агрессивного речевого поведения определяются коммуникативно-прагматической установкой адресанта – своего рода коммуникативной сверхзадачей, которая, в конечном счете, формирует указанные типы речевой агрессии.

Таким образом, речевая агрессия может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров. С точки зрения коммуникативно-дискурсивного подхода речевая агрессия представляет собой конфликтогенное речевое поведение, которое приводит к конфликту не только на уровне межличностного общения или к конфликту между прямым и косвенным адресатом, но и способно спровоцировать масштабные социальные конфликты.

1.3 Политический дискурс СМИ как поле репрезентации агрессии

На современном этапе развития науки объектом исследований многих авторов выступает политический дискурс. Для раскрытия сути феномена «политический дискурс», необходимо, определить понятие самого термина «дискурс». Не смотря на большое количество исследований, посвященных дискурсу в общем и политическому дискурсу в частности, ни в зарубежной, ни в отечественной науке до сих пор не существует общепринятого определения политического дискурса. Возможно, это определяет широкую популярность дискурса за последние годы. Термин «дискурс» является междисциплинарным и используется в исследованиях целого ряда гуманитарных наук, что осложняет выбор общепринятого определения данного понятия.

«Дискурс» как лингвистический термин впервые был использован в статье «Анализ дискурса» американского лингвиста З. Харриса и начал широко использоваться только в 50-х гг. XX в. В своей работе ученый определяет дискурс как метод анализа связанной речи, предназначенный для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка (Харрис, 1952).

Согласно классическому определению, предложенному Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания; это речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова, 2002: 87).

Современные лингвисты рассматривают дискурс в рамках нескольких подходов и дают различные определения данного понятия. Полемика ведется не только на предмет определения понятия «дискурс», но и допускаются варианты произношения с ударением на первом или на втором слоге.

Согласно Е.С. Кубряковой следует выделить следующие подходы к определению понятия «дискурс»:

1. Структурно-синтаксический подход, в рамках которого дискурс рассматривается как фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое);

2. Структурно-стилистический подход трактует дискурс как нетекстовую организацию разговорной речи, характеризующуюся нечетким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой;

3. Коммуникативный подход определяет дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседу, то есть тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции (Кубрякова, 2000: 7-25).

М.Л. Макаров предлагает трактовать дискурс как «текст плюс ситуация», соотнося данный термин с такими понятиями как текст, речь и диалог, и предполагает, что дискурс может осуществляться посредством текста, реализуемого в сообщении (Макаров, 2001).

Л.В. Щерба определяет дискурс как речевую деятельность, которая является в то же время языковым материалом; при этом под языковым

материалом понимается текст, соответственно дискурс рассматривается во взаимодействии речи и текста (Щерба, 1974: 57- 60).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что глобально дискурс понимается как реализация текста в речи в конкретной ситуации общения.

Для настоящего исследования коммуникативный подход видится наиболее приемлемым, так как он предполагает анализ дискурса с учетом лингвокультурологического аспекта. Человеческий фактор играет важную роль при трактовке понятия «дискурс», соответственно дискурс выступает как речь с позиции говорящего, но в то же время рассматривается и с позиции системы языка. Таким образом, с точки зрения коммуникативного подхода дискурс представляет собой функционирование языка в речи с позиции говорящего.

Поскольку, оперируя понятием дискурса, лингвисты часто исходят из полярных позиций, а также ввиду многоаспектности его содержания и форм, понятие «дискурс» относится к числу наиболее употребляемых понятий и является объектом изучения многих исследований в современной лингвистике.

Исходя из рассмотренных подходов к определению понятия «дискурс» следует сделать вывод о том, что в современной лингвистике наиболее часто термин «дискурс» встречается в следующих значениях:

1. Текст / высказывание, погруженное в конкретную социокультурную ситуацию.
2. Коммуникативная ситуация, которая сочетает текст с другими его составляющими; «ситуация высказывания», в которой наряду с текстом понимается субъект высказывания.
3. Толкование, вытекающее из положения французской семиотической традиции о тождестве дискурса с речью, преимущественно устной.
4. Тип дискурсивной практики.

Наряду с различными определениями понятия «дискурс» выделяют различные виды и типы дискурса. Дискурс может быть классифицирован по:

1) тематике: образовательный, медицинский, религиозный, музыкальный и т. д.;

2) источнику или сфере распространения: дискурс власти, молодежный дискурс, интернет-дискурс и т. д.;

3) цели: учебный, исследовательский, манипулятивный, фатический и т. д.;

4) стилю: иронический, возвышенный, поэтический и т. д.

5) уровню: профессиональный и профанный (Макаров, 2001).

Более того, рассматривая дискурс с точки зрения социолингвистического подхода В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный, (личностно-ориентированный) и институциональный (Карасик, 2000: 5). В рамках личностно-ориентированного дискурса говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира. В институциональном дискурсе говорящий является прежде всего представителем определенного социального института, а общение ведется в заданных рамках статусно-ролевых отношений. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума (Карасик, 2000: 45-46).

Политический дискурс, как один из наиболее распространенных современных объектов изучения и наиболее популярных типов дискурса, исследуется лингвистами, социологами, политологами, культурологами, психологами, историками. Интерес лингвистов к изучению политического дискурса обусловлен использованием языка как одного из важнейших инструментов речевого воздействия и языковой манипуляции в политике. При анализе политического дискурса с социопсихолингвистической точки зрения определяется эффективность достижения скрытых или явных

политических целей говорящего. Индивидуально-герменевтический анализ дискурса выявляет личностные смыслы автора и интерпретатора дискурса в данных обстоятельствах. Исследование дискурса, употребляемого в определенных политических ситуациях, связано с изучением его формы, задач и содержания, что делает его предметом изучения на пересечении разных дисциплин (Белл, 1995).

В политическом дискурсе реализуется общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений, так как он социально-ориентирован. Последнее позволяет причислять его к формам институционального дискурса. Е.И. Шейгал, так же разделяя личностно-ориентированное и институциональное общение, относит политический дискурс к институциональному общению, на основании того, что политический дискурс обладает своим подязыком: использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков. Учёный также отмечает важность ситуативно-культурного контекста в политическом дискурсе и выражает политический дискурс формулой «дискурс = подязык + текст + контекст» (Шейгал, 2005: 16).

Речевая природа большинства политических действий подчеркивает дискурсивный характер политики. Однако, согласно мнению А.П. Чудинова, дискурсивные характеристики политических текстов значительно отличаются от подобных характеристик других текстов, в силу того, что создатель политического текста – это человек, на которого ложится вся ответственность за его содержание, даже если его писала целая группа специалистов (Чудинов, 2002).

В процессе анализа политического дискурса многие исследователи используют понятие политической коммуникации, при этом данное понятие трактуется учеными по-разному. В широком смысле политическая коммуникация – это коммуникация, которая посвящена политическим проблемам, или в которой политические субъекты выступают в качестве авторов политических текстов или их адресатов (Будаев, 2010: 12).

Коммуникацию считают политической при условии ее ассоциации с проблемами в политике (Баранов, 2001).

Обширный характер политического дискурса объясняется различными продуктами политической коммуникации, которые могут быть классифицированы по:

1) характеру субъекта (автор, или говорящий; собственно политическая коммуникация, автором которой является политик; медийная политическая коммуникация, автор которой – журналист; непрофессиональная политическая коммуникация, автором которой может быть человек какой-либо другой профессии, избиратель, а также представитель народа);

2) характеру адресата (политик или политический субъект, например, государство, партия и т.д.; адресат, который не относится к институциональным политическим субъектам, т.е. избиратель, зритель или читатель; массовый и индивидуальный адресат; политический единомышленник или оппонент);

3) жанру (жанр устной речи, куда относятся выступления на митингах, доклады, дебаты, беседы или интервью, и письменной речи, например, программы, листовки, газетные статьи и т.д., а также монологический жанр, например, радиообращение или газетная статья и диалогический жанр, например, дискуссия, переговоры и т.д.);

4) функциям (ритуальный жанр, куда можно отнести инаугурационное обращение, приветственное слово и т.д.; ориентационный жанр, т.е. доклады, указы, договоры и соглашения; агональный жанр, содержащий призывы к борьбе, а именно лозунги, листовки, выступления на митингах; информативный жанр, куда входит газетная информация);

5) объему информации среди жанров (малый жанр, т.е. лозунг, слоган, речевка; средний жанр, т.е. выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и т.д.; крупный жанр, т.е. партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики);

б) цели высказывания (информативная, оценочная и императивная) (Чудинов, 2012: 12).

К структурообразующим признакам политического дискурса относят: институциональность, информативность, смысловую неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, дистанцированность, авторитарность (Шейгал, 2003: 44 – 52).

Более того, Е.И. Шейгал выявляет пересечения политического дискурса с другими видами дискурсов: юридическим, научным, дискурсом СМИ, педагогическим, рекламным, религиозным, бытовым, художественным, спортивно-игровым, военным. Четко определить границы политического дискурса не всегда представляется возможным. В связи с этим другие типы дискурса могут быть использованы не только на пересечении с политическим дискурсом, но и быть включены в него: например, предвыборный, парламентский, административный дискурс могут быть представлены не только как самостоятельные дискурсы, но и как часть политического.

Многими авторами политический дискурс рассматривается как важная и неотъемлемая часть коммуникации, которая выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований (Русакова, 2006: 10). В то же время дискурс часто трактуют как мощный властный ресурс, посредством которого социальные институты и индивиды осуществляют саморепрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, производят позиционирование в социокультурном и политическом пространстве (Фуко, 1996: 74).

Кроме того, политический дискурс рассматривается как разновидность идеологического дискурса и объект лингвокультурологического изучения и определяется как «вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием» (Базылев, 1999).

Е.И. Шейгал выделяет два измерения политического дискурса: реальное и виртуальное. Реальное измерение представляет собой сиюминутность речевой деятельности и ее эмоционально-ценностную окрашенность, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Виртуальное измерение дискурса, понимается автором как семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере (Шейгал, 2000).

Цель и содержание коммуникации являются главными критериями по которым можно отнести ее к определенному типу дискурса, в том числе и к политическому. Основной целью политической коммуникации, по мнению большинства лингвистов, является борьба за власть, а содержание данного вида коммуникации сводится к публичному обсуждению вопросов власти. Борьба за власть – это и движущий мотив, и основная тема политического общения. Нацеленность на борьбу за власть подчеркивается агональностью политического дискурса: состязанием борьбой двух идей. Таким образом, главная цель общения в политическом дискурсе – это борьба за власть и победа в этой борьбе, которая осуществляется с помощью речи.

Основываясь на том, что «интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть» Е.И. Шейгал выделяет функции политического дискурса, основными из которых являются:

- 1) интеграция и дифференциация групповых агентов политики;
- 2) развитие конфликта и установление консенсуса;
- 3) осуществление вербальных политических действий и информирование о них;
- 4) создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретация;

5) манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората (Шейгал, 2000).

Исследователи отмечают, что основной оппозицией в политическом дискурсе являются оппозиции «друг – враг», «свои – чужие», в связи с тем, что ценности политического дискурса сводятся к обоснованию и отстаиванию своего права на власть. В политическом дискурсе оппозиция «свои – чужие» реализуется как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или анти-этикетность, а также целенаправленный подбор положительной или отрицательной оценочной лексики. «Свои» часто маркируются возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью, в то время как для указания на «чужих» используется сниженная лексика и презрительно-саркастическая тональность, графическим эквивалентом которой являются кавычки (Чудинов, 2006).

В современной политической науке анализ политического дискурса наиболее часто осуществляется через изучение способов манипулятивного воздействия политических деятелей на аудиторию. Такой точки зрения придерживаются, например, Т.М. Грушевская (2002), С.Л. Ерилова (2003), Ю.С. Исакова (2004).

Системообразующую роль в научной литературе играет точка зрения, согласно которой политические деятели способны формировать «стратегии» и «тактики» политического дискурса.

Лингвисты изучают конкретные языковые и речевые стратегии и тактики, такие как «стратегия на понижение», которая репрезентируется тактиками «оскорбления», «угрозы» и т.п. и «стратегия на повышение», к которой относятся тактики «презентации», «неявной самопрезентации», «отвода критики», «самооправдания» и т.д.

Коммуникативные стратегии убеждения в рамках политического дискурса должны рассматриваться как служащие единой цели – борьбе за власть.

Интенция борьбы за власть – это специфическая характеристика политического дискурса, присущая его различным жанрам: агитационной речи, дебатам в парламенте, дискуссиям, политическим интервью и т.д.

Многие лингвисты признают, что основной функцией политического дискурса является убеждающая функция. Как справедливо отмечает П.Б. Паршин, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» (Паршин, 1987: 143).

Для лингвистического исследования политического дискурса тезисы о системе и о тексте являются основополагающими. Первый тезис подразумевает, что обыденный язык и язык политических текстов не тождественны. Ключевой особенностью является необычная интерпретация хорошо знакомого языка, изменение соотношения между означаемым и означающим, а также тот факт, что знакомые ситуации подводятся под иные, нетипичные для них категории, таким образом вещи перестают называться своими именами. Второй тезис связан с первым: а именно утверждает, что из политического текста может быть вычитан некоторый неэксплицитный смысл, отличный от буквального и, быть может, прямо противоположный ему. Часто считается, что этот самый неэксплицитный смысл и есть «истинный» смысл политического текста (Паршин, 1987: 147).

В идеологической и политической литературе выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь (Блакар, 1987: 103). Создание новых слов и выражений объясняется, с одной стороны, появлением новых реалий в общественно-политической жизни страны, с другой стороны,

появлением причин для изменения имени уже существующего явления. По мнению Р.М. Блакара, «языковой ярлык может многое сказать о том, как мы воспринимаем и понимаем эту роль, или точнее, какой интерпретации этой роли ждут от нас те, кто обладает властью управлять присвоением наименований (и тем самым нашим пониманием)» (Блакар, 1987: 99).

Политический дискурс и дискурс СМИ имеют схожие черты и пересекаются в некоторой области своего применения. Так, публичное выступление политика на митинге (его непосредственная речь) является классическим примером политического дискурса. Однако, трансляция данного выступления по телевидению, радио или через другие каналы массовой коммуникации подразумевает водку, т.е. предваряющий комментарий ведущего, а также отбор материала, что позволяет отнести данную трансляцию к политическому дискурсу СМИ. Текст нового закона является примером политического дискурса, а статья в газете о принятии данного закона – политического дискурса СМИ.

Соответственно, политический дискурс СМИ - это сложное коммуникативное явление, которое возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ, и, целью которого является борьба за власть с помощью формирования общественного мнения. Политический дискурс СМИ, являясь многокомпонентным явлением, включает в себя следующие элементы: текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса (Никитина, 2006: 4).

Так как СМИ являются основным инструментом реализации феномена политического дискурса, они выступают своеобразным опосредующим звеном для политических процессов, оказывая при этом влияние на аудиторию. В настоящее время масс-медиа выступают в качестве инструмента преобразования политического, экономического и культурного пространства, они являются необходимым компонентом взаимодействия

субъектов политики с окружающей средой. Согласно утверждению С. Холла, медиа обладают властью предписывать событиям некий смысл, интерпретируя их определенным образом и придавая данным интерпретациям статус общепризнанной правды (Холл, 1989). Вышеприведенные утверждения позволяют рассматривать информационное пространство как важнейший инструмент целенаправленного конструирования политических порядков, средство выстраивания необходимых власти связей и отношений с общественностью (Соловьев, 2004: 37). На современном этапе развития общество формирует образ мира, используя СМИ, которые являются основным источником информации о государстве, а также событиях за его пределами, для всех социальных слоев населения. Как отмечает Н. Больц, «вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленно отличать отображение от отображенного явления... Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной инсценировке. То, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение» (цит. по: (Чистов, 2009: 28)).

Важно отметить, что СМИ играют важнейшую роль в освещении политических процессов, т.к. политический дискурс, представленный в них, создает информационный фон и формирует представления о проводимой политике. Более того, ценность масс-медиа для общественно-политической сферы заключается в том, что СМИ являются одним из немногочисленных каналов прямой коммуникации между политическими деятелями и гражданами.

Пространство политической коммуникации, выступая своеобразным социально-информационным полем политики, структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение (Грачев, 1999: 24-39). Способность современного государства реализовывать политические проекты различного уровня зависит от степени владения им средствами политической коммуникации. В настоящий момент гражданин представляет собой сколько

«информационно заряженного», а не идейно-ориентированного индивида, ввиду того, что он нуждается в информации для удовлетворения запросов, а не просто в доктринальных объяснениях действительности. Подобные изменения в отношении к информации и осознание властями преимуществ информационно-коммуникационных механизмов ведут к изменениям способов управления общественным мнением. Как уже было отмечено ранее, политическая коммуникация в масс-медиа опосредована дискурсом, в силу того, что общества прямой контакт между властными структурами и обществом затруднен.

В современном дискурсе СМИ политический текст носит символический характер и акцентирован на эмоциональной стороне вопроса, а не нацелен на передачу веских фактов и аргументов, что объясняет тот факт, что политический дискурс ориентирован на массовую аудиторию. Различные факторы влияют на прочтение политического текста, например, правильное прочтение зависит от подбора верных каналов коммуникации, понимание ожиданий реципиентов, а также коммуникативных возможностей субъекта. Важно отметить, что любой политический текст «прочитывается» человеком «через другой текст, например, внутреннюю идеологическую установку, мнение и т.д.» (Соловьев, 2004: 42). В связи с тем, что современный читатель понимает, что реальность может подменяться искусственно создаваемой продукцией, в обществе наблюдается тенденция скептического отношения к политической информации.

Основная цель любого общения - это управление деятельностью собеседника. Исходя из этого, каждый акт речевого общения представляет собой процесс достижения определенной неречевой цели, которая в итоге соотносится с регуляцией деятельности собеседника. По утверждению Р. Блакара, «выразиться «нейтрально» невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти», то есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» (Блакар, 1987: 91). Принимая во внимание целенаправленный характер

любой деятельности, в том числе информационной, следует сделать вывод о том, что всякая информация воздействует на аудиторию с определенной целью. СМИ, являясь каналом передачи информации, направлены на формирование мнения реципиента в определенном, институционально заданном направлении. Воздействие на общественное сознание и манипулирование общественным мнением являются ключевыми задачами политического дискурса СМИ, а власть – его основной целью.

Политический дискурс СМИ относится к институциональному виду общения и влияет на широкие слои общества, что является одновременно и его задачей и способом, в силу того, что, массовая аудитория отличается общими ценностями и установками, которыми можно управлять. Ориентация на массовую аудиторию, национально-культурная специфика и идеологичность политического дискурса СМИ подчеркивают их социокультурный контекст. В связи с этим Г. Шишков называет манипуляцию общественным сознанием «омассовлением», современного человека он называет «массовым», а самым мощным оружием воздействия – средства массовых коммуникаций. «Массовая коммуникация объединяет разные гетерогенные группы, «выплавляет» образованную массу людей, для которых характерны определенные ценности» (цит. по: (Бессонов, 2001: 703). Общественное массовое мнение здесь становится средством завоевания, реализации и удержания власти.

Национально-культурная специфика политического дискурса СМИ является важным аспектом, так как аудитория каждого отдельного СМИ принадлежит определенной культуре, что требует соответствия построения системы дискурса установкам культуры (Иванова, 2004: 15). Политический дискурс СМИ, возникает в конкретных жизненных условиях и обладает национально-культурной спецификой и не является абстрактным явлением. Таким образом, публицистические тексты политического дискурса являются одновременно культурными продуктами и репрезентантами. Однако, с другой стороны политический дискурс СМИ оказывает влияние на

культурную специфику времени. освещается в следующем размышлении А. Моль говорит об обратном воздействии масс-медиа на культуру: «Они, средства массовой коммуникации, фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» (Моль, 2003: 448). Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о том, что современные СМИ оказывают обратное влияние на культуру и реципиенты не могут уклониться от их воздействия.

Политический дискурс СМИ обладает идеологичностью и относится к сфере определенного социального взаимодействия, отражая взгляды, убеждения, ценностные ориентации и обслуживая политические интересы определенных социальных групп. На сегодняшний день идеология – это средство мирового господства, а СМИ перестают быть средством передачи информации, становясь инструментом идеологии. Идеологичность современных масс-медиа обуславливает манипулятивный характер политического дискурса СМИ. Идеология содержит «основные нормы, ценности и другие принципы, которые используются для достижения целей и интересов группы, также и для реализации и легитимации власти» (Дейк, 1991: 108). Идеологии неизбежно проявляются в политическом дискурсе СМИ, прямо или косвенно, явно или скрытно, и сообщают его аудитории «вектор» мнений и отношений к предмету речи. Таким образом, социально-культурный контекст политического дискурса СМИ позволяет реализовывать манипулятивную направленность этого вида дискурса. Данный контекст включает ориентацию на массовую аудиторию, что является не только предпосылкой манипуляции, но и ее необходимым условием. Адресат дискурса принадлежит определенной культуре и имеет определенные

идеологии, взаимодействие дискурса с которыми способствует достижению его интенции.

Кроме идеологической функции политический дискурс СМИ несомненно выполняет функцию передачи информации, которая является ресурсом управления знаниями общества о мире и, соответственно, его реакцией. Современное «информационное» общество зависимо и тесно связано с информацией. Не смотря на то, что информация в широком смысле слова является отражением реального мира, процесс передачи информации заключается не в констатации фактов объективной реальности, а в их интерпретации. Таким образом осуществляется перенос объективной реальности в информационную. Политический дискурс СМИ воздействует на читателя путем передачи информации, в силу того, что информация провоцирует определенные эмоциональные состояния, вызывает направленные мыслительные процессы, формирует мысли реципиента, структурирует его опыт, более того, определяет его взгляды на окружающий мир.

Особо важную роль в политическом дискурсе СМИ играет человеческий фактор, так как интерпретированная автором текста информация не может быть объективна. Авторы политических текстов субъективно отражают мир, «присваивая» речь, что объясняет антропоцентричность политического дискурса. Субъект политического дискурса СМИ отражает некоторые интересы и имеет некоторые цели и задачи, и интерпретирует действительность в тексте, что способствует манипулированию информацией в необходимом для адресанта направлении (Тибинько, 2011).

В свете всего вышесказанного, политический дискурс СМИ предстает самостоятельным коммуникативным явлением, образованным в сфере пересечения политического дискурса и дискурса СМИ. Такие его особенности как интенциональность, масс-ориентированность, национально-культурная специфика, идеологичность, информативность и субъективность

создают необходимые предпосылки для манипуляции общественным сознанием. Политический дискурс СМИ, тем самым, обладает всеми возможностями для управления мнениями и отношениями аудитории в необходимом для субъекта русле.

Ряд ученых, занимающихся исследованиями взаимосвязи языковой практики и социально-политической реальности (М. Фуко (1996), А. Грамши (1991) и др.), сходятся на том, что дискурс – это мощный властный ресурс, который, обладая знаковым характером, выполняет функцию регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений. Некоторые исследователи склонны указывать на то, что политическая речь имеет тенденцию к навязыванию оценок и внушению отрицательного отношения к политическим конкурентам и оппозиционерам. Это связано не только с тем, что при помощи политического дискурса может быть выделена и концептуализирована та информация, которая, по мнению какой-либо социальной группы, признается актуальной, значимой и необходимой, но и с тем, что благодаря дискурсу для любого социального факта создается особая система значений и интерпретаций. Эта система наделяет факт нормативностью, устраняя альтернативные интерпретации, которые признаются девиантными. А. Грамши утверждает, что представления о естественном порядке вещей социально конструируются и воспроизводят господствующие в социуме идеологические стандарты общественных отношений (Грамши, 1991).

Так как одним из свойств политического дискурса является агональность, которая трактуется в лингвистике как основная характеристика, связанная с интенцией борьбы за власть, политический дискурс создает определенные предпосылки для проявления речевой агрессии (Гаврилова, 2002).

Агрессивная информация в речи политиков может выражаться эксплицитно, т.е. явно, определенно и недвусмысленно и имплицитно, где агрессия завуалирована, скрыта как от объекта атаки, так и от аудитории.

Степень имплицитности, как правило, определяет степень агрессии – чем более скрытый подтекст, тем меньше степень агрессии.

Цели и задачи агрессии в политическом дискурсе зависят от наличия или отсутствия конкретного объекта агрессии. Агрессия в политическом дискурсе может быть направлена против человека, группы лиц или против события, предмета, явления, в таком случае говорят о направленной (субъектной) агрессии. В случае, когда агрессия в политическом дискурсе не имеет четкого объекта и имеет своей основной целью проявление эмоций и привлечение внимания, то речь идет о ненаправленной (объектной) агрессии.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что СМИ и политическая жизнь, в том числе, политический дискурс и политическая коммуникация, тесно взаимосвязаны. Политик общается с адресатом посредством средств массовой информации. СМИ, в свою очередь, распространяют ту информацию, которая нужна государству на данный момент для влияния на общественное мнение, а также сообщают общественные взгляды на политических лидеров и переносят, таким образом, информацию от правительства к общественности и от общественности к правительству. Политический дискурс и политическая коммуникация, в свою очередь, рассматриваются как взаимозаменяемые понятия, так как дискурс включает такие экстралингвистические факторы как контекст (ситуационный, исторический, культурный) и индивидуальные особенности личности, без которых не может рассматриваться политическое общение.

Речевая агрессия в политическом дискурсе СМИ рассматривается как один из важнейших инструментов влияния и формирования желаемого общественного мнения. Конкретные языковые формы и средства выражения речевой агрессии будут описаны далее в Главе II настоящей работы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ изучения способов репрезентации агрессии в политическом дискурсе был сделан ряд выводов.

1. Речевая агрессия – это лингво-психологическое явление, намеренное коммуникативное действие, целью которого является создание негативного эмоционально-психологического состояния у объекта речевого воздействия.

2. Изучение речевой агрессии неразрывно связано с анализом дискурсивных условий ее возникновения и развития, т.к. любой дискурс может являться полем реализации речевой агрессии, независимо от его временных и национальных факторов.

3. В современной лингвистике наиболее часто термин «дискурс» встречается в следующих значениях: высказывание, погруженное в конкретную социокультурную ситуацию; коммуникативная ситуация, которая сочетает текст с другими его составляющими; тип дискурсивной практики.

4. Политический дискурс, как один из наиболее распространенных современных объектов изучения и наиболее популярных типов дискурса, где главная цель общения – это борьба за власть и победа в этой борьбе, которая осуществляется с помощью речи.

5. В современной политической науке анализ политического дискурса наиболее часто осуществляется через изучение способов манипулятивного воздействия политических деятелей на аудиторию.

6. Дискурс СМИ представляет собой комплексное коммуникативное явление, нацеленное на борьбу за власть путем формирования общественного мнения. Дискурс СМИ обеспечивает большую часть политической коммуникации и включает в себя текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный

и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса.

7. Речевая агрессия в политическом дискурсе СМИ рассматривается как один из важнейших инструментов влияния и формирования желаемого общественного мнения.

ГЛАВА II. Языковые способы репрезентации агрессии

2.1 Сниженная лексика как прямой способ выражения агрессии в англоязычном политическом дискурсе СМИ

В основах журналистской деятельности лежат стремление к объективности, отсутствие враждебности и агрессивности, однако, современные специалисты не обременяют себя рамками беспристрастного описания, прямо и открыто выражают речевую агрессию и используют стилистически сниженную лексику в рамках публицистических текстов.

Способы выражения агрессии определяются многими социальными факторами: культура и традиции собеседников, уровень образования собеседников, ситуация общения и т.д. Впрочем, роль социальных и биологических факторов может варьироваться в зависимости от уровня культуры человека.

Следует отметить, что оскорбление, обвинение, угроза, проклятие, грубое требование, грубый отказ, злопожелание, констатация некомпетентности и призыва относятся к прямой активной агрессии.

В настоящее время наблюдается приоритетность раскованности в языке СМИ, иногда в ущерб правильности и чувству меры, что проявляется в замене литературных слов словами сниженной лексики (Ржанова, 2009).

Общеизвестно, что к сниженной лексике относятся разговорная лексика, просторечие, жаргоны и диалекты, обценная лексика (непристойные вульгаризмы или бранные слова). При этом разговорная лексика входит в состав литературного языка, в то время как остальные названные пласты находятся за ее пределами. Тем не менее все они активно взаимодействуют, выполняют сходные функции и поэтому объединяются под общим названием «сниженная лексика» (Солганик, 2008).

Использование сниженной лексики направлено на привлечение конкретной целевой аудитории. Лексика сниженного стиля употребляется с целью выражения авторского отношения к рассматриваемому вопросу, созданию необходимого стилистического эффекта, определенного образа (Микоян, 2008).

Помимо выполнения прямой информативной функции, подобные лексические единицы воздействуют на читателя экспрессивно, эмоционально и психологически. Излишнее употребление сниженной лексики в современных массмедийных текстах ориентировано в большей степени на привлечение внимания аудитории, а не ее информирование.

Употребление разговорной лексики в газетных текстах для выражения экспрессивности не представляет новизны. Просторечные слова и выражения считаются «законным средством экспрессивизации газетного текста» (Сковородников, 2008: 521).

Необходимо заметить, что экспрессивное воздействие сниженной лексики или табуированных просторечных единиц почти всегда сопровождается форсированием эмоций, речевой аффектацией, т.е. эмоциональным самовыражением говорящего.

Кроме того, следует отметить, что употребление сниженной лексики в большей степени характерно для заголовков журналов и газет. На наш взгляд, это позволяет автору обозначить смысловую и экспрессивную нагрузку статьи, тем самым привлечь внимание читателя к ее заголовку и побудить его ознакомиться с содержанием статьи более детально. Более того, сниженная лексика часто используется в заголовках и содержании статей, связанных с конкретными людьми.

Рассмотрим заголовок одной из политических статей влиятельного и одного из самых уважаемых изданий в мире «The Guardian»:

"Vladimir Putin calls Sergei Skripal a *scumbag* and a traitor". В данном заголовке использовано имя существительное "scumbag" – «подлец», относящееся к сниженной лексике. Автор намеренно использует грубую

лексику в заголовке с целью выделения агрессивной манеры речи В.В. Путина, а так же чтобы придать негативный характер последующей статье.

Более того, статья, в которой автор «The Guardian» анализирует политическую деятельность Дональда Трампа, озаглавлена следующим образом:

"John Kelly is just the latest victim of Trump's *dumpster fire* of calamities" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/09/john-kelly-donald-trump>). Лексема "dumpster fire" – «бардак, неразбериха» относится к разговорной лексике и использована в данном заголовке с целью привлечения внимания читателей и реализации техники дискредитации в отношении американского Президента.

Заголовок статьи другого популярного британского издания "The Daily Mirror" содержит лексическую единицу, относящуюся к сленгу:

"Vladimir Putin and Mohammad Bin Salman laugh and *high-five* each other at G20 Summit". Употребляя разговорное выражение "to high-five" – «дать «пять»» в тексте статьи политического характера автор делает акцент на характер отношений представителей двух стран.

Далее в данной статье продолжается использование разговорной лексики: "Vladimir Putin and Saudi Crown Prince Mohammed Bin Salman shared a '*bro handshake*' and looked thrilled to see each other at the G20 summit" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/vladimir-putin-saudi-crown-prince-13669501>). В приведенной цитате автор вводит просторечное выражение "bro" – «братан, старина», чем также намекает на открытую демонстрацию излишне дружественных отношений между представителем Саудовской Аравии и Президентом России.

Сниженная лексика в заголовках статей политической направленности нередко встречается и в другом не менее популярном издании "The Daily Express". Так, заголовок статьи о реакции одного из сторонников выхода Британии из Евросоюза Джакоба Рис-Могга на план действий премьер-министра, Терезы Мэй, звучит следующим образом:

"Furious Jacob Rees-Mogg *TEARS APART* Theresa May's deal in SIX SIMPLE TWEETS" (<https://www.express.co.uk/news/politics/1055601/brexit-latest-news-theresa-may-EU-exit-debate-brexit-deal-yougov-poll>). Употребляя лексему «to tear apart» – «жестко критиковать, разорвать в клочья», относящуюся к сниженной лексике, автор подчеркивает агрессивное настроение политика в отношении премьер-министра.

Заголовок статьи о возможных последствиях выхода Великобритании из ЕС в "The Guardian" также содержит сниженную лексику:

"Post-Brexit migration system will be *sucker punch* to UK economy" (<https://www.theguardian.com/uk-news/2018/dec/19/post-brexit-immigration-system-sucker-punch-uk-economy-white-paper>). Использование лексики сниженного уровня "sucker punch" – «подлый прием, удар исподтишка» позволяет сделать акцент на крайне негативные последствия внедрения новой миграционной политики в Великобритании.

"Donald Trump hits out at EU ARMY in *BIZARRE* Tweet - 'Didn't work out in WW1!'" (<https://www.express.co.uk/news/world/1056189/Donald-trump-latest-eu-army-ww1-ww2-bizarre-twitter-rant-nato-gdp>). Название статьи содержит лексему сниженного стиля "bizarre" – «дикий, невменяемый», что максимально привлекает внимание читателя к данной статье и формирует в сознании читателей образ Д. Трампа как неспособного на адекватные поступки и корректное выражение мыслей политика.

Агрессия и резкость принимаемых американским Президентом решений отмечена в тексте статьи газеты "The Guardian":

"So it came to pass that John Kelly found himself *dumped on* the Trump sidewalk of history, a throwaway tidbit of news in a dumpster fire of calamities" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/09/john-kelly-donald-trump>). Автор статьи использует глагол, относящийся к сниженной, разговорной лексике "to dump on" – «чернить, резко критиковать», для описания действий Д. Трампа в отношении главы администрации Президента США, Джона Келли.

"On his European tour that began last week at Nato in Brussels, which careered through England and Scotland, and ended with a dull, sickening thud in Helsinki, Trump *went rogue*". Для описания характера действий Д. Трампа автор статьи "America must deal with Donald Trump, the first rogue president" использует выражение "to go rogue" – «сорваться с цепи, становиться неуправляемым». В данной статье критикуется не только деятельность Президента США, но и его внешний вид и способ выражения мыслей. Резкий и несвязный характер речи Д. Трампа подчеркивается с помощью лексической единицы, относящейся к сленгу, которая одновременно представляет категорию лексики, используемую самим Президентом в его публичной речи.

В той же статье автор использует еще несколько выражений, относящихся к сниженной лексике. Например:

"Looking more closely at Trump's performance on the Helsinki podium, it appears, deep down, he was frightened: frightened of making mistakes, of being "*ripped off*", of being exposed as a charlatan, and of being proved to have stolen the 2016 election". Описывая эмоции Д. Трампа, автор намеренно использует выражение "ripped off" – «обмануть, надуть», чтобы еще раз обратить внимание читателей на неуверенную позицию Президента США.

В утверждении "To go into a summit of such significance without preparation was the height of *folly* and vanity" употребляется имя существительное "folly" – «дурачество, безумная выходка». Использование данной разговорной лексической единицы позволяет автору подчеркнуть несерьезный и неподобающий занимаемой позиции уровень подготовки Д. Трампа к серьезным дипломатическим мероприятиям.

Таким образом, в рамках одной статьи автором неоднократно используются лексические единицы сниженного уровня, что позволяет не только привлечь внимание читателя, но и дать определенную характеристику действиям, а так же выразить авторское отношение к описываемым событиям.

Еще одним примером использования разговорной лексики в политическом тексте является статья "Pity poor Kanye West, if it takes Donald Trump to make him feel like a man again" в газете "The Guardian".

"Or so I thought, until he *popped into* the Oval Office last week". Автор использует выражение "to pop into" – «смотаться куда-нибудь», относящееся к сленгу, чтобы подчеркнуть неуместность присутствия скандально известного хип-хоп исполнителя Канье Уэста в стенах главного кабинета Президента США.

Далее автор описывает перемены в образе жизни популярного певца:

"In other words, he might be one of the most acclaimed artists of all time, but being in a family with some high-earning women *bumped him out* a bit". Контраст нынешних политических взглядов по отношению к тем принципам, которых Канье Уэст придерживался ранее, автор подчеркивает используя выражение "to bum out" – «облажаться», которое относится к категории сленга.

Более того, автор данной статьи использует не только сленг, но и ругательства. Например,

"So maybe West is now just another *prat* in a MAGA hat, but at least he's still on the bleeding edge of relevancy". Использование лексической единицы сниженного стиля "prat" – «придурок», делает возможным для автора более ярко выразить свое негативное отношение к Канье Уэсту, который неожиданно стал сторонником политической линии Д. Трампа, так и ко всем людям, поддерживающим действующего Президента США и его деятельность.

Однако, сленг и сниженная лексика используются в политических статьях не только с целью реализации тактики дискредитации. Например, в статье "Killer, kleptocrat, genius, spy: the many myths of Vladimir Putin", автор настаивает на том, что В.В. Путин вмешался в процесс проведения президентских выборов США 2016 года и именно это стало причиной того, что победу в выборах одержал Д. Трамп.

"Surely we could not have elected this bigoted *idiot-narcissist* – surely he must have been forced on us from somewhere else" (<https://www.theguardian.com/world/2017/feb/22/vladimir-putin-killer-genius-kleptocrat-spy-myths>). Используя выражение "idiot-narcissist" – «идиот, больной на голову», автор одновременно указывает на негативные качества Президента США, а также подчеркивает очевидность факта подтасовки результатов голосования, и в очередной раз намекает на вмешательство России в процесс выборов.

"It's not clear how anything could go lower, but it's still good to know that Trump's form of American nationalism includes *groveling* to a foreign prince who murders journalists working for an American newspaper" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/22/donald-trump-president-thanksgiving>). Данный пример иллюстрирует использование лексики сниженного стиля как средства реализации техники дискредитации. Лексема сниженного стиля "groveling" – «подхалимистый, пресмыкающийся» ярко описывает характер действий Д. Трампа в отношениях с представителями Саудовской Аравии, а также навязывает ему образ слабого, неумелого и зависимого руководителя в глазах читателей.

Автор данной статьи также использует разговорную лексику для привлечения внимания читателей. Например,

"It takes a lot to trigger John Roberts, but Trump managed to do so with a few *half-baked* thoughts on the "Obama judge" who blocked his even *less-baked* policy on asylum seekers" (It takes a lot to trigger John Roberts, but Trump managed to do so with a few half-baked thoughts on the "Obama judge" who blocked his even less-baked policy on asylum seekers). Автор характеризует публичные речи и политику Президента США, используя выражение "half-baked" – «слабоумный, придурковатый», что позволяет более ярко выразить личное отношение автора к сложившейся политической ситуации и роли Д. Трампа в ней.

"When people disengage from politics, bad things happen. Communities that do so become distrustful, are trodden on, and riot. If a whole country does it, only the *lunatics* are left to vote and they usually choose the angriest *halfwit* they can find. Ask the USA if you don't believe me" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/none-what-theyre-telling-you-13646339>). Автор статьи в издании "The Daily Mirror" использует лексемы сниженного стиля "halfwit" – «дурачина» и "lunatics" – «безумец, псих», говоря о том, какие плачевные последствия могут быть вследствие ухода политически-грамотных людей из структур власти, тем самым намекая, что это является текущей проблемой в США, тем самым указывает на некомпетентность Д. Трампа как Президента и неадекватность некоторых его поступков.

"The best that could be said for the president is that he is naive or embarrassed and he doesn't want to believe the truth – no matter how much it makes him look an *imbecile*" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/voice-mirror-vladimir-putin-must-12932555>). Имя существительное "imbecile" – «дурак, идиот», относящееся к разговорной, грубой лексике создает негативный образ Д. Трампа в сознании читателей.

Используя лексику сниженного стиля, журналисты реализуют тактику наклеивания ярлыков. Например,

"*Control freak* Theresa May caused Tory Brexit chaos – and cabinet splits during her summer holiday exposed it" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/control-freak-theresa-caused-tory-10936219>). В издании "The Daily Mirror" британского премьер-министра Т. Мэй называют "control freak" – «любящий командовать псих».

В статье "None of what they're telling you about Brexit is true" издания "The Daily Mirror" автор дает оценку словам Министра по выходу Великобритании из Европейского союза Стивена Баркли:

"Barclay claimed in a newspaper article today the agreement "is what people voted for in 2016 – and that is what this government will deliver". With the best will in the world, he's *talking bollocks*"

(<https://www.mirror.co.uk/news/politics/none-what-theyre-telling-you-13646339>). Используя выражение, относящееся к сниженной лексике "to talk bollocks" – «нести чушь» автор дискредитирует Министра и его политику в целом.

Сниженная лексика является незаменимым инструментом в реализации тактики обвинения:

"The PM has abandoned attempts to remain in the EU's Galileo satellite system – with no guarantees of getting back any of the £1.2billion we have *pumped in*" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-loses-temper-fiery-outburst-13671031>). Фразовый глагол "to pump in" – «вливать, вбухивать деньги» относится к разговорной лексике и несет в себе негативное значение, что умело использует автор приведенной цитаты для того, чтобы подчеркнуть факт бесполезной растраты государственных средств по решению действующего Премьер-министра Великобритании.

Часто в политических текстах СМИ сниженная лексика используется для привлечения внимания читателей и расстановки акцентов на определенных проблемах и темах, а также для того, чтобы сделать политические темы более понятными и интересными для современной молодежной читательской аудитории. Например,

"It's the one thing the Tories and Labour are united on – that Theresa's agreement is so bad we'll never get a unicorn, and what's really needed after two years of *argy-bargy* is more *argy-bargy* about what we'll do while waiting for the unicorn to turn up" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/none-what-theyre-telling-you-13646339>). В ежедневной газете "The Daily Mirror" автор использует разговорное выражение "argy-bargy" – «препираания, перепалка», говоря о дискуссиях, которые ведутся по вопросу выхода Британии из ЕС, тем самым акцентирует внимание читателя на бесполезности данных переговоров.

В этой же статье используется еще одну лексема, относящаяся к уровню сниженной лексики, "pillock" – «дурак, тупица».

"If we vote to Leave under Theresa's agreement, we retain the stability of being within the EU but without a rebate or voting rights. If we vote to Leave without a deal, the financial services sector is destroyed, tax revenues slump by billions of pounds, and Gideon's austerity measures will look like a day at the beach. And if we vote to Remain, we'd just look like *pillocks*. Which is the thing all the politicians, reporters and campaigners seem to be most bothered about. If that is their main concern, doesn't that prove that the whole thing is a boring, worthless, exercise in futility? Only a *pillock* worries about what the French think. Let's just not be *pillocks*" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/none-what-theyre-telling-you-13646339>).

Автор употребляет данную лексему в заключение анализа ситуации, сложившейся в связи с принятием решения о выходе/не выходе Великобритании из ЕС, тем самым выражая свою точку зрения в решении данного вопроса и делая акцент на абсурдности другого способа разрешения данной ситуации. Более того, трехкратный повтор данной лексики используется с целью убеждения читателя в истинности авторской точки зрения.

Таким образом, выполнив анализ подборки статей из интернет-версий британских газет "The Daily Mail", "The Daily Mirror", "The Guardian", "The Daily Express" за 2014-2018 годы, мы приходим к выводу о том, что тексты аналитических статей политической тематики содержат некоторое количество сниженной лексики, относящейся главным образом к разговорной лексике и сленгу. Обценная (табуированная) лексика в рассмотренных текстах отсутствует, что вполне объяснимо как типом изданий, так и жанром аналитической статьи.

2.2. Использование лексики с негативной семантикой для косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ

На сегодняшний день СМИ практически утратили свою функцию быть средством передачи информации в массы, однако приобрели другую – функцию манипулирования человеческим сознанием в глобальных масштабах.

Массовая аудитория больше не получает «чистую» информацию, все события, происходящие в мире, транслируются через призму определенных политических ориентиров и культурных ценностей. Цель современных СМИ – сформировать желаемую ценностно-оценочную парадигму у реципиентов при помощи информации, искажающей реальное положение дел и имеющей манипулятивный характер. Новыми задачами масс медиа стали подчинение своему контролю поведения и мнений людей, а также навязывание своей точки зрения на определенные события.

Одним из популярных способов языкового манипулирования и искажения сознанием является дисфемизация. Согласно социологическому словарю, дисфемизм, как языковое средство манипулирования – это замена в прагматических целях естественного, стилистически и эмоционально нейтрального в данном контексте обозначения какого-либо предмета или явления более вульгарным, фамильярным или грубым (Михальченко, 2006).

Современный политический дискурс является ярким примером использования дисфемизмов в прагматических манипулятивных целях. Дисфемизмами становятся разговорные эмоционально-оценочные слова и выражения, жаргонизмы, которые формируют восприятие объекта реципиентом как подозрительного и нежелательного. Дисфемизм призван квалифицировать объект описания так, чтобы вызвать у читателя неприязнь или отвращение.

2.2.1 Глаголы с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ

Одним из самых распространенных косвенных способов выражения речевой агрессии является дисфемизация глаголов, т.е. намеренное использование глаголов с негативной семантикой с целью создания определенного образа и навязывания определенного мнения.

Журналисты газеты "The Guardian" активно используют речевые тактики оскорбления и обвинения при описании происходящих на Украине событий. Стратегия дискредитации представлена через тактику оскорбления и преследует цель унижения и оскорбления. Например,

"It's no tragedy" Russia boasts of military takeover as West *boots* Putin out of G8" (<http://www.express.co.uk/news/world/466752/It-s-no-tragedy-Russia-boasts-of-military-takeover-as-West-boots-Putin-out-of-G8>).

Тактика оскорбления представлена через описание действий западных стран по отношению к России, а именно вывод России из Большой Восьмерки, как результат ее действий, неодобряемых со стороны стран запада. Глагол "to boot out" – «выкидывать, вышвыривать, пнуть» вместо лексемы "to exclude" – «исключать» выступает в качестве дисфемизма и может расцениваться как оскорбление, так как фактически показывает пренебрежительное отношение Запада к России.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать в дальнейших высказываниях, описывающих выход России из Большой Восьмерки. Например,

"Russia reminded defiant this morning despite effectively being *kicked out* of the G8 for its land grab in Crimea" (<http://www.express.co.uk/news/world/466752/It-s-no-tragedy-Russia-boasts-of-military-takeover-as-West-boots-Putin-out-of-G8>). Глагол "to kick out"–

«вышвыривать, пнуть» вместо лексемы "to exclude" – «исключать» так же может быть рассмотрена как насмешка над положением России.

Так, в связи с последними политическими решениями нашей страны в отношении Крыма и непринятия данных решений большинством западных держав, журналисты зарубежных изданий стали часто прибегать к использованию дисфемизмов при описании действий российского правительства в общем и его представителей в частности. Например,

"SEVASTOPOL, Crimea – More than three years after Russia *snatched* Crimea from Ukraine, the peninsula is suffering through an extended season of discontent" (<https://www.nytimes.com/2017/09/30/world/europe/crimea-annexation-russia-ukraine.html>). Использование автором статьи глагола "to snatch" – «схватить, ухватить, захватить» позволяет подчеркнуть негативный характер действия со стороны России и сформировать у читателя отношение к данному событию как к незаконному.

Агрессивность и нелегальность присоединения Крымского полуострова к территории Российской Федерации также выражается в тексте британского таблоида "The Guardian" с помощью глагола-дисфемизма "to seize" – «захватить»:

"They believed it may have been for his activities in Crimea, the Ukrainian territory *seized* that spring by Moscow" (<https://www.theguardian.com/uk-news/2018/oct/09/putin-allegedly-gave-skripal-poisoning-suspect-heros-award>).

Таким же образом подчеркнут агрессивный характер действий со стороны России в издании "The Daily Mirror", но уже при описании событий, произошедших в водах Керченского пролива в ноябре 2018 года:

"Russia *seized* three Ukrainian vessels on Sunday when they entered the Sea of Azov from the Black Sea through the Kerch Strait – a narrow body of water that separates Crimea from the Russian mainland" (<https://www.mirror.co.uk/news/world-news/breaking-russia-ukraine-crisis-kiev-13645871>).

"Russia is *pouring* money onto the peninsula – \$650 million last year – and the scale of corruption has expanded accordingly, experts said". (<https://www.nytimes.com/2017/09/30/world/europe/crimea-annexation-russia-ukraine.html>). Автор статьи намеренно подчеркивает негативный эффект вложения крупных средств в развитие Крыма со стороны России, используя глагол "to pour" – «лить, изливать, разливать».

Глаголы с негативным значением часто используются при описании действий конкретных людей, чаще всего известных ведущих политиков и глав государств, что создает определенный отрицательный образ этого человека в глазах читателей. Например, журналисты западных изданий не редко обвиняют В.В. Путина в агрессивной политике, а также в резкой манере высказывать свои суждения.

"Putin, a former intelligence officer, has angrily *decried* "traitors" before" (<https://www.theguardian.com/uk-news/2018/oct/03/vladimir-putin-calls-sergei-skripal-a-scumbag-and-traitor>). Автор данной статьи подчеркивает агрессивный характер поведения Президента России с помощью использования глагола "to decry" – «поносить, открыто осуждать».

В статьях о В.В. Путине, многие авторы стараются подчеркнуть его чрезмерное свободное выражение эмоций, а также проявление агрессии и несдержанности в речи. Например,

"He *seethed with anger* when asked about the betrayal, at one point saying at a national news conference, "How will he be able to look in the eyes of his children, the pig?"" (<https://www.nytimes.com/2018/10/01/world/europe/spy-russia-britain-putin.html>). Выражение "to seeth with anger" – «кипеть от злости» подчеркивает открытую агрессию, которую выражает Президент Российской Федерации, выражая свое мнение о ситуации, связанной с отравлением, якобы Российскими шпионами, Сергея Скрипаля и его семьи в Великобритании.

Журналисты "The Guardian" также используют глаголы с негативной семантикой для создания агрессивного образа российского Президента.

Например, в статье "Putin Tells May to 'Fulfil Will of People' on Brexit" неоднократно использована лексема с отрицательной семантикой "to attack":

"On Thursday, Putin *attacked* the US decision to pull out of the intermediate-range nuclear forces treaty, saying the international system of arms control was "collapsing"...But he also *attacked* young artists for promoting drugs." (<https://www.theguardian.com/politics/2018/dec/20/vladimir-putin-theresa-may-brexit-fulfil-will-of-the-people>). Глагольная лексема "to attack" – "нападать, набрасываться" акцентирует внимание на враждебном характере высказываний В.В. Путина в адрес Правительства США.

Авторы политических текстов в "The Daily Express" также формируют образ В. Путина как агрессивного политика. Например,

"VLADIMIR Putin has *mocked* "undemocratic" calls for a second Brexit referendum as the Russian President *accused* Remainers of "disrespect"" (<https://www.express.co.uk/news/world/1062201/putin-news-vladimir-putin-brexit-second-referendum-russia>). С помощью глаголов с негативной семантикой "to mock" – «высмеивать, глумиться», "to accuse" – «обвинять, порицать» автор указывает на агрессивную позицию Президента России.

Президент США Д. Трамп также часто подвергается критике и даже насмешкам со стороны журналистов. Однако, в отличие от ситуации с В. Путиным, осуждаемого за агрессивный характер действий, в случае с Д. Трампом журналисты преследуют цель создания образа некомпетентного, взбалмошного «шута». Для реализации данной цели также применяются глаголы с негативным значением. Например,

"On Monday Donald Trump careered all over the place, displaying no discernible inhibitions, his speech a little slurry at times, *blurting out* words that most people would regret in the morning as he held his second wild ride with the media in less than a week". Использование глагола "to blurt out" – «болтнуть не подумав» по отношению в Президенту способствует созданию у читателей образа несерьезного, ограниченного человека.

"The current president *has harped on* for almost three years with the idea that immigrants and refugees are criminals who pose a danger to the rest of us".
 Употребление глагола "to harpon" – «болтать без умолку, гнуть своё» говорит читателям о том, что действующий Президента зациклен на проблеме иммиграции.

Нелогичность и спонтанность принимаемых Д. Трапом решений государственного масштаба также подчеркивается авторами многих статей. Например,

"He's now adding a plug for his new plan *to toss out* the part of the Constitution that says if you're born here, you're a citizen – an idea that has even Paul Ryan reeling". Глагольная лексема "to toss out" – «вышвыривать» имеет негативную семантику и создает образ политика, склонного к непродуманным решениям.

Спонтанность, необдуманность, резкость принимаемых американским Президентом решений также подчеркивается в следующей статье газеты "The Guardian" при помощи глагола с явно негативной семантикой "to toss aside" – «отшвырнуть, отбросить»:

"The chief of staff is fired or retired or whatever. The only certainty is that another enabler has been brutally *tossed aside*" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/09/john-kelly-donald-trump>).

Кроме того, авторы политических текстов часто указывают на негативный эффект для США, производимый правлением Трампа. Например,

"Putin must be purring with satisfaction that his poodle *is destroying* the American republic from the inside by taking the word of a former KGB officer over FBI evidence" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/voice-mirror-vladimir-putin-must-12932555>). В данной статье Д. Трампа уличают в излишне близких отношениях с В. Путиным и подчеркивают их губительное

влияние на развитие США с помощью глагола "to destroy" – «разрушать, уничтожать».

В другой статье того же издания автор акцентирует внимание читателей на губительное влияние президентства Д. Трампа на состояние демократии в США:

"Donald Trump has done more to *discredit, belittle* and *deny* US democracy and institutions than any Russian troll farm" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/donald-trump-just-something-stop-13754407>). Использование ряда глаголов с негативной семантикой, таких как "to discredit" – «порочить, дискредитировать», "to belittle" – «обесценивать, умалять достоинство», "to deny" – «отвергать, препятствовать», в рамках одного предложения позволяет сформировать негативное отношение читателей по отношению к политике, проводимой Д. Трампом.

Журналисты также нередко указывают на открытую нетолерантность Д. Трампа в отношении женщин, социальных меньшинств и т.д. Например,

"Trump does not have that excuse, which may have made it all the more chilling, when he immediately *belittled* a woman reporter" (<https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/01/trump-nafta-usmca-speech-rose-garden-reporter-attack>). Автор использует глагол "to belittle" – «приносить позор, унижать достоинство», чтобы подчеркнуть грубость высказываний Трампа.

"But he frequently appears *to go after* women or minorities with a particular relish, even at a time when the entire nation is caught up in a wrenching debate over #MeToo and alleged sexual abuse" (<https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/01/trump-nafta-usmca-speech-rose-garden-reporter-attack>). Глагол "to go after" – «подвергать преследованиям, домогаться» используется для постановки акцента на крайне нетолерантном обращении действующего президента США в отношении к женщинам и меньшинствам.

Во многих статьях Д. Трамп уличается в непозволительно резком и неуважительном отношении к своим коллегам. Авторы используют

негативно-коннотированные глаголы, подчеркивая грубую манеру общения Президента. Например,

"As is his wont, Trump also *savaged* the Democrats over their handling of the multiple allegations of sexual misconduct against Kavanaugh" (<https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/01/trump-nafta-usmca-speech-rose-garden-reporter-attack>). Лексема с негативным значением "to savage" – «хамить» создает у читателя образ грубого, невоспитанного человека, что не соответствует характеристикам человека, занимающего пост Президента.

"As he stood just feet from four of the last six presidents, he *trashed* them, talking about a Washington establishment" (<https://www.nytimes.com/2017/01/21/opinion/sunday/the-president-who-buried-humility.html>). Лексема с негативно-оценочной семантикой "to trash" – «поносить» использована для прямого, незавуалированного названия действий и поступков Президента США, на которого направлена тактика оскорбления, представляя их массовой аудитории в «истинном», неприглядном виде.

В статье, посвященной комментариям американского Президента относительно главы Франции, Эмманюэля Макрона, и проводимой им политики, автор намеренно использует негативно-окрашенный глагол "to fire off" – «расстрелять, выпалить» для того, чтобы подчеркнуть необдуманный и агрессивный характер высказываний Д. Трампа:

"President Trump *fired off* a series of tweets yesterday criticising Emmanuel Macron's leadership and the Paris climate agreement as activists took to the streets in a fourth weekend of violent anti-government protests" (<https://www.express.co.uk/news/world/1056553/donald-trump-france-yellow-vest-gilet-jaune-riots-protests-emmanuel-macron>).

Резкость и агрессия, проявляемые Д. Трампом в отношении других политиков, а также неугодных ему действий, были неоднократно подчеркнуты с помощью глагола с отрицательной семантикой "to lash off" –

«наброситься, разразиться гневной тирадой». Например, в тексте статьи "The Daily Express":

"DONALD TRUMP has once again hit out at EU nations failing to meet proposed Nato GDP spending targets – but *lashed out* with a bizarre and confused statement claiming a united “European military” failed to work during World War 1 and 2" (<https://www.express.co.uk/news/world/1056189/Donald-trump-latest-eu-army-ww1-ww2-bizarre-twitter-rant-nato-gdp>).

А также в заголовке статьи в издании "The Guardian":

"Trump *lashes out* at Mueller after bombshell Cohen and Manafort filings" (<https://www.theguardian.com/us-news/2018/dec/08/donald-trump-mueller-investigation-cohen-manafort>).

Проявление речевой агрессии является ведущей характеристикой Хиллари Клинтон, на что указывают авторы многих статей популярных изданий. Например,

"When Hillary Clinton *denigrated* half of Trump’s supporters in 2016 as a "basket of deplorables", or Obama said "bitter" voters in post-industrial towns "cling to guns or religion or antipathy to people who aren’t like them ... as a way to explain their frustrations”, people had good reason to feel condescended to" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/23/trump-boris-johnson-rightwing-populists>). Используя глагол "to denigrate" – «унижать», автор статьи подчеркивает негативность высказываний Х. Клинтон.

Кроме того, одной из главных функций использования глаголов с негативным оттенком значения в политических статьях является навязывание определенного мнения в отношении того или иного политика или события.

Так, в статье "May Banks on Brexit to Keep her in Place until March" автор использует ряд глаголов с негативным значением, что позволяет сформировать у читателей понимание отношений между действующим премьер-министром Великобритании Терезой Мэй и членами Консервативной партии как крайне натянутых. Например,

"Even before Theresa May danced her self-deprecating way on to the stage in Birmingham this week, most of her party were resigned to the fact that however little they may love her, there is little to be gained from *chucking* her *aside* before Brexit next March" (<https://www.theguardian.com/politics/2018/oct/05/conservatives-wont-chuck-theresa-may-before-brexit-next-march>). Глагол "to chuck aside" – «отшвырнуть» подчеркивает агрессивность и конфликтность ситуации.

"If May lost, she would be barred from standing in the subsequent leadership contest – and *cast out* of Downing Street" (<https://www.theguardian.com/politics/live/2018/dec/12/tory-mps-trigger-vote-of-no-confidence-in-may-amid-brexit-uncertainty-politics-live>). Используя глагол "to cast out" – «вымётываться», автор статьи убеждает читателей в разрозненности и даже противостоянии между членами партии и Т. Мэй.

Агрессия и нежелание сотрудничать членов Правительства с действующим премьер-министром Великобритании выделяется уже в заголовках статей, что дает читателю понять, что разрозненность между членами Правительства является острой и очевидной проблемой. Например,

"Tory MPs *round on* 'desperate' May over Brexit transition" (<https://www.theguardian.com/politics/2018/oct/18/tory-mps-round-on-desperate-may-over-brexit-transition>). Глагол "to round on" – «доносить, резко критиковать» делает акцент на противоборстве сторон.

Ярко выраженное недовольство проводимой Т. Мэй политикой подчеркивается журналистами "The Daily Mirror" с помощью глагола "to slam" – «обрушиться с резкой критикой» в заголовке статьи о возможных экономических последствиях выхода Великобритании из Евросоюза. Например,

"Brexit Forecasts aren't 'Facts' Suggests Theresa May after Experts *Slam* her Deal" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/brexit-forecasts-arent-facts-suggests-13648343>).

"FRANCE'S foreign minister has *scolded* Donald Trump over comments he made about the yellow vest riots" (<https://www.express.co.uk/news/world/1056553/donald-trump-france-yellow-vest-gilet-jaune-riots-protests-emmanuel-macron>). Автор статьи в "The Daily Express" также использует глагол с негативным значением "to scold" – «ругать, выговаривать» с целью подчеркнуть крайнее недовольство Жан-Ив Ле Дриана, министра иностранных дел Франции, комментариями Д. Трампа о политике, проводимой действующим Президентом Франции Эмманюэлем Макроном.

Более того, авторы статей о Т. Мэй используют глаголы с негативным значением не только с целью указать на натянутые отношения премьер-министра с её коллегами, но для того, чтобы подчеркнуть эмоциональное состояние Т. Мэй. Например,

"Refusing to rule out resigning if her EU withdrawal deal flops in the Commons, the rattled Tory chief *let rip*: "Look, I have been asked these sorts of questions before" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-loses-temper-fiery-outburst-13671031>).

Глагол "to let rip" – «рвать и метать» имеет явную негативную семантику и делает очевидным эмоционально нестабильное состояние Т. Мэй в связи с неодобрением и всесторонней критикой ее политических решений как со стороны граждан Соединенного Королевства, так и со стороны однопартийцев.

"Tackled about the complaints from managers and directors that it will be too difficult to fill low-skilled positions, she *fumed*: "We have seen a huge, significant creation of new jobs in our country and we have also seen from work the Government is doing, our encouragement of people into the workplace" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/hire-british-youngsters-theresa-tells-13670887>).

Глагольная лексема "to fume" – «вспылить, распетушиться» также акцентирует внимание читателей на неспособности британского премьер-министра сдерживать эмоции.

Проявление речевой агрессии в политических текстах СМИ начинается уже в заголовках. Так, в названии статьи издания «The Daily Express» используется глагол с негативной семантикой "to boo" – «освистать, произносить неодобрительные восклицания»:

"BREXIT BETRAYAL MARCH: Nigel Farage *BOOED* by Ukip supporters at London demonstration" (<https://www.express.co.uk/news/uk/1056520/brexit-news-brexit-betrayal-march-london-nigel-farage-ukip>). Автор статьи использует данную лексему с отрицательной семантикой для привлечения внимания читателей, а так же для того, чтобы подчеркнуть крайне негативное отношение участников митинга в поддержку выхода Великобритании из Евросоюза к их бывшему стороннику Найджелу Фаражу.

2.2.2 Имена прилагательные с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ

Имена прилагательные с негативной семантикой играют ключевую роль в создании определенного образа того или иного политика в печатных текстах СМИ. Журналисты формируют мнение читателей при помощи как одиночных дисфемизированных имен прилагательных, так и с использованием атрибутивных словосочетаний.

Одиночные имена прилагательные, используемые в политических статьях, содержащих речевую агрессию, могут относиться к литературному

уровню, однако иметь негативную семантику, или к сниженной лексике, а иногда и к бранным словам.

Примером использования имен прилагательных с негативной семантикой, относящихся к литературной лексике может послужить статья британской газеты "The Guardian", описывающей ситуацию, сложившуюся вокруг Терезы Мэй. В статье обсуждается решающая роль выхода Великобритании из Евросоюза в её карьере, как премьер-министра. Например,

"May and her team are braced for a *gruelling* set of discussions: with EU leaders, with her parliamentary partners in the DUP, and with the European Commission, all the while withstanding *ferocious* friendly fire". Имена прилагательные "gruelling" – «напряженный» и "ferocious" – «яростный» подчеркивают натянутый и агрессивный характер взаимоотношений между Британским премьер-министром и членами Европейской комиссии.

"A *battered* and *bruised* Theresa May is expected to jet off to Brussels to attend the EU December summit" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-facing-brexit-vote-hell-13710194>).

Делясь своими предположениями о жестких и губительных последствиях парламентского голосования по вопросу Брексита для Т. Мэй, автор статьи в "The Daily Mirror" использует лексемы с отрицательной семантикой "battered" – «разбитый, потрепанный» и "bruised" – «помятый, побитый», что акцентирует внимание читателя на слабой позиции премьер-министра и формирует в сознании читателей мнение о том, каков будет исход голосования.

Журналисты издания "The Daily Mirror" открыто выражают неуважительное, презрительное отношение к Президенту США, называя его "spineless traitor":

"And Mr Trump was tonight branded a *spineless traitor* for siding with his rival and calling an FBI probe into claims Putin influenced the election

"ridiculous"" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/donald-trump-branded-traitor-putin-12932473>). Использованное имя прилагательное "spineless" – «мягкотелый, бесхребетный» имеет негативное значение и создает у читателя образ беспомощного, бесполезного человека, не способного принимать важные волевые решения.

"But at this mid-life crisis stage of a catastrophically *doomed* presidency, there aren't that many people worth firing anymore" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/09/john-kelly-donald-trump>). В цитируемой статье, представленной газетой "The Guardian", автор, анализируя деятельность Д. Трампа, использует имя прилагательное "doomed" – «обреченный на неудачу», имеющее явно негативную семантику, чем формирует негативное мнение и отрицательное отношение читателей к политике Д. Трампа и подчеркивает её губительный характер.

Кроме того, в современных политических текстах прослеживается тенденция использования нескольких имен прилагательных со схожей негативной семантикой в рамках одного текста. Это делает возможным удержать внимание читателя на тех качествах, главных акцентах, которые расставляет автор при помощи имен прилагательных.

"The *sloppy* tradecraft of the GRU, the Russian military intelligence agency, should be cause for concern in the Kremlin, they said, but Vladimir Putin is still likely to take Thursday's public revelations as just the "collateral damage" of his political war with the west... Dutch authorities revealed that with the help of UK intelligence they thwarted an attempted cyber-attack on the headquarters of the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) in The Hague, which included rounding up and deporting four *hapless* GRU officers travelling on diplomatic passports... Russia had months to forge an agreement with the Dutch to keep its *botched* operation a secret, perhaps showing that it did not put a priority on concealment" (<https://www.theguardian.com/world/2018/oct/05/russia-will-not-reduce-aggressive-spying-analysts-warn>).

В рамках статьи "Russia unlikely to reduce aggressive spying, analysts warn", опубликованной в международном издании "The Guardian" и освещающей факт шпионажа со стороны России в Нидерландах, использованы следующие имена прилагательные с негативной семантикой: "sloppy" – «неряшливый», "hapless" – «несчастный», "botched" – неумелый. Автор намеренно использует адъективные лексемы в разных частях статьи с целью поддержания образа неудавшейся, плохо-спланированной операции Российской службы разведки, а также для выражения снисходительного отношения к факту неудавшегося шпионажа со стороны России, как таковому.

Более того, в статье известного таблоида "The Guardian" автор использует ряд имен прилагательных с негативным значением в рамках одного предложения, характеризуя личные качества супруга Иванки Трамп, Джареда Кушнера. Например,

"While Kushner – an *impassive*, wax doll of a man – appears to be little more than the *dim-witted* scion of a *crooked* father, it has always been assumed that Ivanka has slightly more mettle" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/30/ivanka-trump-worried-private-emails>).

Лексемы "impassive" – «апатичный», "dim-witted" – «недалекий, глупый», "crooked" – «жуликоватый, коррумпированный» имеют ярко выраженную отрицательную семантику и создают крайне негативный образ бездушного, нечестного дельца.

В роли дисфемизмов могут выступать не только одиночные лексемы, но также и атрибутивные словосочетания, которые являются достаточно распространенным видом словосочетаний в текстах британских СМИ. Неприглядный признак объекта, качество, свойство, который реализует тактики оскорбления, насмешки, издевки, находит отражение в атрибутивном компоненте дисфемизма-словосочетания. Это может быть негативно-оценочное прилагательное или существительное, которое

находится в препозиции к основному существительному. Подобные единицы расширяют возможность и выбор вариантов негативной оценки объекта дискредитации, чтобы подчеркнуть неудобные, оскорбительные, унижительные для объекта описания черты.

Наглядным примером реализации тактики оскорбления может послужить цитата из издания "The Guardian". Например,

"Tony Kushner to write play on '*borderline psychotic*' Donald Trump" (<https://www.theguardian.com/stage/2017/jul/19/tony-kushner-to-write-play-borderline-psychotic-donald-trump>).

Негативные черты личности американского президента в довольно грубой форме подчеркиваются с помощью дисфемизма "borderline psychotic" – «почти психически больной».

"When this happens, though, who does Mrs May imagine is confronting her? Is it just Mr Trump himself, America First president, *sworn enemy of the international order* in general and the European Union in particular?" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/30/the-guardian-view-on-donald-trumps-credibility-americas-compromised-leader>). В приведенной цитате автор использует атрибутивное словосочетание "sworn enemy of the international order" – «заклятый враг международного порядка», обращая внимание читателя не только на неприятие Д. Трампа как достойного представителя Соединенных Штатов, но и противопоставляя его всему мировому сообществу как угрозу его безопасности.

2.2.3 Имена существительные с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ

Имена существительные, а также единицы фразового уровня с негативной семантикой часто используются в статьях популярных

британских таблоидов, чтобы создать и закрепить негативный образ объекта дискредитации. Например,

"The inconvenient truth for *the pro-EU fanatics* is that the British economy is still fundamentally sound...Obama claimed that Brexit would send a message of division to the world but the truth is that the present bullying tactics of *the Brussels despots* and their "negotiating" team send a different message, one of undemocratic divide and rule" (<https://www.express.co.uk/comment/expresscomment/833582/Brexit-economy-exports-easy-Jet-jobs-Amazon>).

В цитируемой статье лексемы с негативным значением использованы в качестве ярлыков для противников выхода Великобритании из Евросоюза: "the pro-EU fanatics" – «проевропейские фанатики» (противники Brexit), "the Brussels despots" – «брюссельские деспоты» (главы Евросоюза).

В британском издании "The Daily Mirror" автор использует дисфемизм-неологизм:

"Lying *Brextremists* conned a narrow referendum victory by pretending the European Union was stealing a huge wedge of your money" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/brexit-lies-cost-eu-sinking-12010423>).

Приверженцы Brexit названы "Brextremists". "Brextremists" – это имя существительное, полученное путем блендинга, как способа словообразования (от Brexit + extremists). С помощью данного существительного, имеющего специфичную для блендинга стилистическую окраску, автор подчеркивает свое несогласие с политическими взглядами сторонников выхода Британии из Евросоюза.

Поддержание негативного образа Брексита как события в целом происходит в следующей статье:

"Mrs May today lost her seventh minister to the Brexit *bloodbath*, while gaining the backing of another" (<https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/theresa-accuse-anti-deal-mps-13675053>).

С целью подчеркнуть катастрофичность последствий выхода Великобритании из Евросоюза, а также указывая на сильнейшую

конфронтацию премьер-министра и её коллег, автор цитируемой статьи использует имя существительное с негативной семантикой "bloodbath" – «кровавая бойня, побоище».

"Had they only said that Nigel Farage would be resigning, leading, threatening, and resigning again for the rest of our natural lives, there's a chance we would have realised Brexit was a *drawn-out torture* that carried a serious risk of boring the nation to death".

Сам процесс выхода Британии из Евросоюза автор того же издания называет "drawn-out torture" – «затянувшаяся пытка» с целью выразить негативное отношение к данной процедуре.

"Theresa May's journey to *humiliation*: Mirror Politics morning briefing" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-mays-journey-humiliation-mirror-13717054>). Автор цитируемой статьи, посвященной спорам о выходе Великобритании из Евросоюза и роли Т. Мэй в данной ситуации, использует имя существительное с негативной семантикой "humiliation" – «унижение» вместо "Brexit" в заголовке своего текста, что способствует формированию негативного отношения читателей к Брекситу, а также акцентирует их внимание на снижающуюся популярность Британского премьер-министра в политических кругах.

В рамках этой же статьи автор называет ситуацию выхода Британии из ЕС "debacle" – «катастрофа, полный провал», что позволяет не только выразить авторскую точку зрения на сложившиеся обстоятельства, но и навязать образ Брексита как провального плана, за который кто-то должен понести наказание: "She then cleverly shifted the blame for this *debacle* onto MPs by insinuating that many in the Commons were not interested in delivering Brexit" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-mays-journey-humiliation-mirror-13717054>).

В материалах о президенте США Д. Трампе в различных изданиях многие авторы используют имена существительные с негативной

семантикой, также реализуя таким образом тактику наклеивания ярлыков. Например,

"We've already become so accustomed to his egomania that we sometimes forget how remarkable it is. He's a *braggart* beyond his predecessors in the Oval Office" (<https://www.nytimes.com/2017/01/21/opinion/sunday/the-president-who-buried-humility.html>).

"Donald Trump's views on Britain show him up for the *narcissist* he is... "Shithole countries"? Words worthy of a racist-in-chief" (<https://www.theguardian.com/global/commentisfree/2018/jan/18/fear-donald-trump-us-president-art-of-the-deal>).

Автор подбирает дисфемизмы с денотатами разной степени негативности, например, такие как "a braggart" – «хвастун»; "the narcissist" – «нарцисс»; "a racist-in-chief" – «главный расист». Данные дисфемизмы прочно ассоциируются с объектами дискредитации, представляемыми в крайне негативном свете, так как являются яркими и запоминающимися негативными характеристиками.

"Likewise Russian-hacked content worked in Trump's favor with white Evangelical Protestants and conservative Catholics, the latter a key voting block in Philadelphia, Detroit, and Milwaukee – large cities within the three closely decided states that gave the *mercurial tycoon* the votes that spelled an electoral college victory". В данном примере автор называет Д. Трампа "the mercurial tycoon" – «неуравновешенный магнат», одновременно напоминая читателям о состоянии, которым владеет Президент США, а также подчеркивает нерациональность его действий.

Журналисты британской "The Guardian" реализуют тактику насмешки:

"This side of the channel, Mrs May is now routinely referred to and depicted as the "zombie prime minister", a phrase I used to describe her immediately after the election" (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/24/brexit-europe-laughing-britain-unstable-government>). Переносное значение разговорной

лексемы "zombi" – «зомби, живой труп» является насмешкой над действиями премьер-министра Великобритании Т. Мэй.

Один из авторов таблоида "The Daily Express" успешно реализует тактику издевки. Например,

"Their egos are so vast that they cannot comprehend that any nation could consider it would be better off outside of their *corrupt and sclerotic club*" (<https://www.express.co.uk/comment/expresscomment/832222/UK-US-trade-deal-talks-Brexit-EU-European-Union-Liam-Fox>). Автор использует дисфемизм-метафору "corrupt and sclerotic club" – «коррупцированный и закостеневший клуб».

"Leading EU figures like the Brexiteers' *bogeyman* Jean-Claude Juncker will also be sure to weigh in" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-facing-brexit-vote-hell-13710194>). Автор данной статьи в "The Daily Mirror" называет Жан-Клод Юнкера, ярого противника выхода Британии из Евросоюза, "bogeyman" – «пугало, источник раздражения» с целью реализации тактики издевки и привлечения внимания читателей.

Имена существительные с негативной семантикой в публицистических политических текстах используются не только при прямой номинации конкретного человека или группы людей, но и для косвенного описания его/их негативных качеств. Например,

"Putin appeared to offer a high five to Bin Salman (known as MBS) and the de-facto Saudi leader enthusiastically grasped it before both sat down with wide *grins* on their faces" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/vladimir-putin-saudi-crown-prince-13669501>). Негативно окрашенная лексема "grin" – «ухмылка, оскал» создает образ недоброжелательных и враждебно настроенных людей.

"The Prime Minister is expected to continue flogging her much criticised deal next week, with tougher language for the many nay sayers" (<https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/theresa-accuse-anti-deal-mps-13675053>).

Описывая поведение Терезы Мэй в дискуссиях о необходимости выхода или продолжения существования Великобритании в рамках ЕС, автор статьи в "The Daily Mirror" подчеркивает грубость и навязчивый характер высказываний Британского премьер-министра с помощью имени существительного с негативной семантикой "tougher language" – «грубость, резкость».

Более того, как и в случае с именами прилагательными, журналисты также часто используют большое количество имен существительных с негативным значением в рамках публицистических текстов политической тематики. При этом, авторы преследуют схожие цели: акцентирование внимания читателя на конкретных качествах, фактах, событиях. Например, статья "Trump leaves Rose Garden Listeners Punch-Drunk ... even without Alcohol":

"The president was ostensibly promoting a new trade deal but for 90 minutes he came across as a *madcap carnival barker*». «It was one of Trump's rare flashes of self-knowledge in a *carnival barker* performance that is becoming more and more familiar with each outing in front of the media... Having witnessed Kavanaugh's furious tirade to the Senate judiciary committee and Senator Lindsey Graham's no-holds-barred diatribe, Trump is perhaps anxious to keep his crown as the white man's *ranter-in-chief*".

Автор использует следующие дефиниции: "madcap carnival barker" – «сумасбродный зазывала», "carnival barker performance" – «выступление карнавального зазывалы», "ranter-in-chief" – «главный пустомеля», чем неоднократно указывает читателям на неадекватность, сумасбродность поведения Д. Трампа.

Кроме того, автор акцентирует внимание читателей на беспредметность речи действующего Президента США:

"On Monday Donald Trump careered all over the place, displaying no discernible inhibitions, his speech a little *slurry* at times, blurting out words that most people would regret in the morning as he held his second wild ride with the

media in less than a week". Лексема "slurry" – «жижа» использована с целью подчеркнуть отсутствие четких тезисов в речи Президента.

"Wearing dark suit, white shirt and red tie, Trump played his usual *verbal jazz* for 90 minutes, basking in the attention and the beautiful autumn sunshine". Используя выражение "verbal jazz" – «пустая болтовня», автор вновь делает акцент на невозможности выделения четких положений и даже конкретной темы выступления Трампа.

Использование ряда имен существительных с негативной семантикой для осуществления тактики высмеивания проиллюстрировано в следующей цитате:

"With Trump we enter a new age of arrogance. He's the *cock crowing at its dawn*. But they were nothing like Trump, who's *apreening cartoon*" (<https://www.nytimes.com/2017/01/21/opinion/sunday/the-president-who-buried-humility.html>). В статье издания "New York Times" о инаугурации Д. Трампа только что принявший присягу президент США издевательски назван "the cock crowing at its dawn" – «кукарекающий на заре петух» и "a preening cartoon" – «прихорашивающаяся карикатура».

Более того, авторы политических публицистических текстов прибегают к использованию нескольких существительных с негативным значением не только внутри одной статьи, но и в рамках одного предложения. Например,

"The two years we've just experienced of political chaos, resignations, *backstabbing*, *bitchery* and a total *lack of political bandwidth* for fixing all the things that are broken were NOT Brexit negotiations". В данном примере лексемы с негативным значением "backstabbing" – «подлость», "bitchery" – «стервозность», "lack of political bandwidth" – «политическая бездарность» следуют друг за другом, что позволяет постепенно вызвать у читателя на крайне негативное отношение к Т. Мэй и её политике.

Журналист издания "The Daily Mirror" также прибегает к использованию нескольких лексем с негативной семантикой в рамках одного предложения. Например,

"Trump's *lies, distortions, inventions, ignorance, deceit, defiance* and dismissal of uncomfortable facts are beyond parody" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/voice-mirror-vladimir-putin-must-12932555>). Автор употребляет имена существительные с негативной семантикой "lies" – «враньё», "distortions" – «фальсификация», "ignorance" – «невежество», "deceit" – «мошенничество», "defiance" – «вызывающее поведение» для того, чтобы убедить читателей в том, что Д. Трамп не достоин быть Президентом США и не может быть воспринят как серьезный, достойный лидер сверхдержавы.

2.2.4 Комбинации лексем с негативной семантикой как средство косвенного выражения агрессии в политическом дискурсе СМИ

Современные политические тексты изобилуют различными лексическими единицами с негативной семантикой, которые позволяют авторам текста более ярко преподнести важную информацию с выгодной для автора стороны. Не редко можно встретить статьи, в которых авторы комбинируют лексемы, относящиеся к разным частям речи, в рамках одного предложения для создания полного образа. Например,

"*Tetchy* Theresa May *lost her rag* in a *fiery outburst* on board her RAF Voyager plane" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-loses-temper-fiery-outburst-13671031>). В рамках данной цитаты использованы имя прилагательное «tetchy» – «раздражительный, капризный», фразовый глагол "to loose rag" – «прийти в ярость» и имя существительное "fiery outburst" – «вспышка враждебности». Все приведенные лексемы имеют негативную

семантику и указывают на крайнюю степень негодования Терезы Мэй. Их комбинация создает у читателя впечатление о премьер-министре Великобритании, как о доведенной до отчаяния и неспособной сдерживать эмоции женщине, что дискредитируют её как политика.

В другой статье того же издания описывается возможный вариант развития событий по вопросу выхода Великобритании из Евросоюза:

"*Ruthless* Tory MPs may decide *to give the PM the boot* by submitting 48 letters to the chair of the Backbench 1922 committee" (<https://www.mirror.co.uk/news/politics/theresa-facing-brexit-vote-hell-13710194>). Автор комбинирует две лексемы с негативной семантикой в рамках одного предложения: имя прилагательное "ruthless" – «бессовестный, беспощадный» и глагол "to give the boot" – «вышвырнуть, выдворить», чем акцентирует внимание читателей на отчаянном и беспомощном положении премьер-министра Великобритании.

Журналисты "The Guardian" также не упускают возможности указать на безысходность и явно проигрышную позицию Терезы Мэй в парламентском голосовании, используя различные комбинации лексем с негативной семантикой. Например,

"May "blew her last bet", *failing miserably* to convince parliament to vote for the withdrawal agreement sealed barely two weeks ago" (<https://www.theguardian.com/politics/2018/dec/11/chaos-is-complete-what-the-european-papers-say-about-brexit>). Автор приведенной цитаты совмещает глагол с негативной семантикой "to fail" – «терпеть провал, неудачно завершиться» с не менее негативным наречием "miserably" – «позорно, с треском», что формирует образ Терезы Мэй как неумелого политика, чья карьера обречена на провал.

Таким образом, в изученном фактическом материале случаи комбинированного использования сниженной лексики, а также лексики с негативной семантики, относящейся к различным частям речи, не частотны. Тем не менее, подобное использование большого количества языковых

средств выражения языковой агрессии в рамках одного предложения позволяет журналистам максимизировать уровень психологического воздействия на читателя, а также способствует навязыванию определенного мнения на то или иное событие.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Таким образом, анализ языкового материала, представленного в современных британских изданиях, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время наблюдается приоритетность раскованности в языке СМИ, иногда в ущерб правильности и чувству меры, что проявляется в открытом проявлении речевой агрессии.

Среди языковых средств репрезентации речевой агрессии следует выделить использование лексических единиц сниженного стиля, а также употребление литературной лексики, содержащей негативную семантику: глаголов, имен существительных и имен прилагательных. Анализ фактического материала показал, что наиболее частотными языковыми средствами выражения речевой агрессии являются сниженная лексика, а также глаголы с негативной семантикой. Употребление имен существительных и имен прилагательных в качестве средств выражения речевой агрессии также достаточно частотно. Наименее частотным средством выражения речевой агрессии является комбинация лексем сниженного стиля и литературной лексики, имеющей негативную семантику, в рамках одного предложения. Однако сочетание лексем с негативной семантикой и лексики сниженного стиля в рамках одного текста или предложения позволяет достигать максимального экспрессивного и манипулятивного эффекта.

Важно отметить, что основными функциями употребления сниженных лексических единиц являются:

- экспрессивное, эмоциональное и психологическое воздействие на читателя;
- привлечение внимания аудитории;
- акцентирование внимания читателей на определенных событиях, явлениях, качествах и т.д.;
- реализация различных техник манипулятивного речевого воздействия;

- навязывание определенного мнения в отношении того или иного человека/ситуации;
- самовыражение автора статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистической науке широкую популярность среди исследователей приобрело явление речевой агрессии ввиду увеличения частотности его проявления. Речевая агрессия представляет собой грубое, оскорбительное, обидное общение, словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме». Главными составляющими речевой агрессии являются «активность» и «целенаправленность» (намерение) данного вида коммуникационного поведения.

Выделение речевого акта агрессии в самостоятельный речевой акт с типичными только для него способами проявления, представленными различными лексико-синтаксическими структурами и содержащими в себе, тем не менее, интенцию агрессии, позволяет не только грамотно выразить свои интенции, понимать установку адресата, но и добиться большей эффективности в ситуациях общения за счет управления перлокуцией своих высказываний.

В процессе работы над данным исследованием были сделаны выводы о том, что в современных печатных СМИ речевая агрессия используется в качестве инструмента воздействия на читателя, формирования общественного мнения. Одной из главных особенностей использования речевой агрессии в печатных СМИ, в отличие от бытовых ситуаций, является ее обдуманность, преднамеренность, тщательный отбор агрессивных языковых средств с целью оказать на читателя определенное воздействие.

Важно отметить, что изучение речевой агрессии именно в печатных СМИ, призванных представлять образцовые модели речевого взаимодействия, должно способствовать совершенствованию речевой коммуникации общества в целом.

В ходе исследования были проанализированы статьи таких известных британских печатных изданий, как «The Guardian», «The Daily Mirror», «The Daily Mail», «The Daily Express». Анализ газетных статей показал, что

речевая агрессия в печатных СМИ реализуется путем использования сниженной лексики, а так же лексем, относящихся к литературному стилю, но обладающих негативной семантикой (чаще всего глаголов, имён существительных и имён прилагательных). Было выявлено, что авторы публицистических политических текстов прибегают к использованию не только изолированных лексических единиц сниженного уровня и лексем с негативным значением, но и комбинируют их в рамках одной части текста. Более того, с целью достижения максимального экспрессивного и манипулятивного эффекта используются сочетания различных лексем с негативным значением и сниженной лексики в рамках одного предложения.

Анализ собранного языкового материала показал, что употребление сниженной и негативно-окрашенной лексики в политических публицистических текстах нацелено на манипулирование общественным сознанием и решает следующие задачи:

- привлечение внимания аудитории;
- эмоциональное и психологическое воздействие на читателя;
- акцентирование внимания читателя на максимально важных с точки зрения автора деталях;
- навязывание определенного мнения в отношении того или иного человека/ситуации;
- возможность эмоционального самовыражения автора статьи.

Более того, выражение речевой агрессии через использование разговорной лексики дает возможность реализации многих тактик речевого воздействия, таких как тактика дискредитации, наклеивания ярлыков, оскорбления и обвинения.

Таким образом, наиболее распространенными лексико-семантическими способами выражения речевой агрессии в англоязычных печатных СМИ являются рассмотренные нами стилистически маркированные языковые и речевые единицы: негативная эмоционально-окрашенная лексика, грубо-просторечные слова и выражения, жаргонизмы. При индентификации в

качестве носителей речевой агрессии стилистически нейтральных языковых единиц главным критерием служит этичность/неэтичность их употребления в определенном контексте.

Дальнейшие перспективы исследования мы видим в сопоставлении способов выражения агрессии в российских и англоязычных СМИ для выявления универсальных и национально-специфических особенностей их функционирования, а также в изучении способов выражения речевой агрессии на синтаксическом и текстовом уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2004. – 288 с.
2. Амиров В.М. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В.М. Амиров, Л.В. Енина, Н.А. Купина. Екатеринбург: УрГУ, 1997. – 118 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 136–137.
4. Базылев В.М. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России 2: Материалы рабочего совещания. – М.: Диалог–МГУ, 1999. – С. 8–17.
5. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
6. Бессонов Б.Н. Пропаганда и манипуляция // Реклама: внушение и манипуляция. Самара: Издат.Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С.703–727.
7. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.
8. Будаев Э.В., Чудинов, А.П. Зарубежная политическая метафорология / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун–т, 2008. – 248 с.
9. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х – 90-х гг. XX в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2005. – 215 с.
10. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2006. – 43 с.
11. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса. - 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k> (дата обращения: 17.08.2017).

12. Глебов В.В., Родионова, О.М. Особенности речевой агрессии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rostprof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html> (дата обращения: 28.11.2017).

13. Голев Н.Д. Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. /Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 234 с.

14. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс]. 1999. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Grach/index.php (дата обращения: 21.07.2017).

15. Даньковский Х. Словесная агрессия // Наука и жизнь. 1995. – №6. – С. 34–57.

16. Дейк ван Т. К определению дискурса. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hum.uva.nl/-teun> (дата обращения: 15.11.2017).

17. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация: сб. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

18. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2001. – 425 с.

19. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

20. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь. – М., 2008. – 264 с.

21. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира: Монография . – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
22. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи (Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия). Ярославль: Ярославский гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
23. Иванова К.В. Концепции лингвистического исследования речевого воздействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (16). – С. 88-91.
24. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с
25. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.02.19: – Уфа, 2003 – 41 с.
26. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.karamurza.ru/manipul.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
27. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000– С. 5–20.
28. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса//Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000б. – С. 37– 64.
29. Кравченко В.И. Политическая культура как отражение политико-коммуникативной реальности общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. СПб., 2004. – С. 59-71.
30. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. – № 1. – С. 5-12.

31. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
32. Куклина Т.В. Психо– и прагмалингвистический аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов н/Д, 2005. – 163 с.
33. Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. С. 26–38.
34. Ларионова Т.В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч – Ч. 1– С. 117–120.
35. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
36. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/3/0307/3_0307-1.shtml (дата обращения: 16.02.2018)
37. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., Гнозис, 2001. – 280 с.
38. Малышева О.П. Политическая коммуникация как феномен этнокультуры // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3. – С. 13–27.
39. Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 388–401.
40. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / – Иркутск, 2004. – 224 с.
41. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

42. Моль А. Социодинамика культуры. / Пер. с франц. Вст. статья, редакция и примеч. Б.В. Бирюкова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М.: "Прогресс", 2003. – 416 с.
43. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. 17. – М., 1986. – С. 22-129
44. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (дата обращения 15.06.2017).
45. Петрова Н.Е., Рацибурская, Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб.пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.
46. Помырляну Н.А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – №3. – С.71–78.
47. Попова О.В. Современные СМИ как средство манипуляции общественным мнением // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: сб. науч. тр. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, МедиаМир, 2010. – С. 119 – 120.
48. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. В 2 т. М.: Вече-Акт, 2000. – 591 с.
49. Речевая агрессия в современной культуре // под общей ред. М.В. Загидуллиной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. – 243 с.
50. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений: Сб. науч. ст. – М.; Чебоксары, 2009. – С. 120-124.
51. Романова Н.Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 304 с.

52. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. – 2006. – №4 – С. 26–43.
53. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса. Опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс–Пи, 2006. – С. 10-28.
54. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.
55. Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 196–212.
56. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2004. С. 250–277.
57. Сковородников А.П. Язык насилия в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск, 2005. – Вып. 2. – С. 10–15.
58. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современных газет: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2. – М., 2008. – С. 285–306.
59. Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика. – М.: Издательство Московского университета; факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
60. Соловьёв А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / Полис. – 2004. – №3 – С. 5-18.
61. Тер–Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб.пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
62. Тибинько Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 3 (218). – Вып. 50. – С. 134–137.

63. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к знанию: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. / Сост., пер. с фр., коммент. и посл. С. Табачниковой; под общ.ред. А. Пузыря. Москва: Касталь, 1996. – С. 47–96.
64. Хайруллина Р.Х., Минигулова, Г.З. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное // *Homologues* в языке, культуре и познании: сб. науч. ст. к 75–летию проф. Р.З. Мурясова. Ч. 1. / отв. ред. З.З. Чанышева. – Уфа, 2010. – С. 334–336.
65. Хомский Н. Десять стратегий манипулирования с помощью СМИ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/manipulation3.htm> (дата обращения 15.11.2017).
66. Цуладзе А.М. Политические манипуляции или покорение толпы. – М.: Книжный дом "Университет", 1999. – 144 с.
67. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб.пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
68. Черняк В.Д. Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы / Отв. Рред. Л. П. Крысин. Инст. русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: – 2006. – Вып. 4 – С. 589–598.
69. Чинарова Е.С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 43 (181). – Вып. 39. – С. 150-152.
70. Чистов К.В. Преодоление рабства. Фольклор и язык «остарбайтеров» 1942–1944. М.: Звенья, 1998. – 208 с.
71. Чудинов А.П. Политическая лингвистика // Общие проблемы, метафора: учеб.пособие. – Екатеринбург, 2002. – 194 с.
72. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб.пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 254 с.
73. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. – Минск: АСТ, Харвест, 2008. – 816 с.

74. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... док.филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2009. – 304 с.
75. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Антропологические исследования. Саратов, 1999. Вып. 28. – С. 204–222.
76. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. доктора филол. наук: 10.02.19. – Волгоград: 2000. – 431 с.
77. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 326 с.
78. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. пер. с англ., науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
79. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
80. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления: Учебное пособие. М.: Наука, 2003. – 221 с.
81. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: УРСС, 2008. – 360 с.
82. Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth (Ed.). The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. Oxford: Pergamon, 1995. – P. 41–58.
83. Bruhn–Jensen, Jankowksi, N. London: Routledge, 1991. – P. 108–120.
84. Buss A. Aggression Pays. The Control of Aggression and Violence. NY.: Academic Press, 1971. – P. 18–35.
85. Chilton P. Analyzing Political Discourse: Theory and Practice. L.: Routledge, 2004. – 226 p.
86. Dijk T.A. van The interdisciplinary study of news as discourse // Handbook of Qualitative Methods in Mass Communication Research / ed. by K. Bruhn-Jensen, N. Jankowski. London: Routledge, 1991. – P. 108–120.

87. Hall E.T. *Beyond Culture*. – New York: Anchor Books. *Language Arts & Disciplines*, 1989. – 298 p.
88. Harris Z. S. *Discourse Analysis // Language*. 1952. – Vol. 28. – P.1-30.
89. Wodak R., Meyer, M. *Methods of Critical Discourse Analysis // Dijk T.A. van. Multidisciplinary CDA: a Plea for Diversity*. L.: Sage Publications, 2001.
– P. 95–121.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. The Daily Express. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/> (дата обращения: 21.12.2018).
2. The Daily Mail. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (дата обращения: 17.12.2018).
3. The Daily Mirror. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/> (дата обращения: 21.12.2018).
4. The Guardian. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk/> (дата обращения: 19.12.2018).
5. The New York Times. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 14.11.2018).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Баженова Е.А. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
2. Иванов Л.Ю. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
3. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
4. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster inc., 2007. – 2016 p.
5. Oxford Learner's Pocket Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000.
– 528 p.
6. The New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language, Deluxe Encyclopedic Edition. Chicago, Illinois: J.G. Ferguson Publishing Company, 1995. – 2850 p.